

И. И. ШПАНОВ

**ТАЙНА
ПРОФЕССОРА
БУРАГО**

Выпуск

1

*Рисунки
П. Алякринского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕ ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1948

1 март 1948 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ»

1. СМЕРТЬ МИЧМАНА СЕЛЕЗНЕВА

Южная ночь без сумерек, без переходов стремительно падала на новороссийский рейд. Но и с ее приходом не наступало облегчение от парной духоты дня. Воздух оставался неподвижным. Ни малейшее дуновение ветра не рябило поверхности моря. Последний блеск алой полосы заката, отражаясь от зеркальной воды, дрожащими бликами ложился на матовую поверхность шаровой краски корабля. Видимо, краска эта давно не подновлялась, — она успела выцвести, пошла разноцветными потеками. Беседка, висющая на двух стропях, казалась совсем крошечной на широкой, как стена дома, корме дредноута. Двое парнишек в тельняшках и подтянутых к подмышкам парусиновых штанах роб, беспечно болтая ногами, сидели на беседке. Их бескозырки были сдвинуты на затылки давно не стриженных, вихрастых голов. Добровольцу Павлу Житкову, по-старинке называвшему себя юнгой, было приказано надраить медь славянской вязи, которой была выложена по корме дредноута надпись: «Воля».

С полудня к нему присоединился дружок Александр Найденов, в просторечье — Санька. Найденов — такой же доброволец, как Житков, — был мастером на все руки.

Хотя официально он числился всего лишь учеником в мастерских морской авиационной базы, он в душе считал себя уже без пяти минут летчиком. Без памяти влюбленный в свои «гидрошки», он готов был целыми днями возиться около обветшавших гидросамолетов. К другу Пашке он подгрел для того, чтобы посоветоваться, как быть дальше: самолеты были почти беспризорны, им грозила гибель. Тут было, о чем подумать. Мальчишки провели на беседке все время с обеда, но медь осталась такую же

темной, как была. На кормовой балконе адмиральского салона несколько раз выходил долговязый рыжий офицер. Он взглядывал на беспечно беседующих мальчишек, нерешительно переминался с ноги на ногу и уныло уходил обратно.

На баке пробили склянки. Вразброд, словно нехотя, отозвались разноголосые рынды других кораблей: высокие, залиvistые на миноносцах; солидные, с простуженной хрипотцой на транспортах. Силуэты кораблей расплывались во тьме надвигающейся ночи.

— Так ничего ты мне и не посоветовал, — сказал Найденов, подбирая ноги. Он потянулся и лихо сплюнул в темную бездну под беседкой. — Нужна нынче кораблю драгая медяшка, как мертвому припарка.

— Не скажи, — ответил Житков, — небось, и покойника к смерти обряжают.

— Неужто и впрямь топить?

— А ты думал! Ленин ясно приказал: в руки германца флот не отдавать!

— Это ясно, — согласился Найденов, — а все-таки... Сила какая! Строили, строили — и на!

— Тебя тоже: учили, учили, а ежели нужно — раз и готово! А впрочем, сравнил я тоже синицу с ястребом.

— Это кто синица? — задорно спросил Найденов. Он смело двинулся по узкой беседке к товарищу: — А ну, кто синица-то, скажи!

— Отстань, привязался, — примирительно буркнул Житков и стал собирать принадлежности для чистки меди. — Пошли, што ль?

— Ты иди, а я еще покурю, — с наигранной важностью ответил Найденов и снова растянулся на доске. — Ты меня не жди. Я в туза и до базы.

Житков перекинул через плечо сумку со снастью и стал ловко взбираться по штормтрапу на высокий борт корабля. Скоро его серый силуэт слился с поверхностью окрашенной стали. Из темноты донесся его голос:

— Ужин прокуришь!

— Ладно, аккуратная твоя душа, не учи, — презрительно отозвался Найденов. Его тоже не было уже видно. В черном пространстве под кормой вспыхивал огонек его папироски...

Тем временем в кормовом салоне «Воли» происходило следующее: за круглым столом, в центре каюты;

полный офицер в кителе нараспашку торопливо дописывал страницу. Он был уже немолод. Обрюзгшее лицо его казалось измятым от тяжелых складок щек и мешков под глазами. Это был капитан первого ранга Тихменев, командир линейного корабля «Воля». После каждого нескольких строк Тихменев досадливо морщился и перечитывал написанное. Ему мешали два других офицера, вполголоса спорившие на диване. Один из них, высокий, худой, длиннолицый, с рыжими колбасками бачек на розовых щеках, старший лейтенант барон Остен-Сакен, убеждал второго — маленького крепкого мичмана Селезнева:

— Вы единственный офицер на корабле, к которому братишки относятся более или менее по-человечески. Кроме вас, никто не может покинуть корабль. Мы все под негласным арестом, начиная с командира, хотя формально он и замещает отбывшего адмирала.

— Именно потому, что матросы мне доверяют, я и не вижу возможности покинуть корабль с таким поручением.

— Но это же ваш долг, — воскликнул Остен-Сакен: — долг русского офицера!

— Не учите меня долгу офицера, барон. Поверьте: будь я уверен, что именно долг велит мне сейчас содействовать не потоплению эскадры, а ее уходу в Севастополь, я отправился бы с поручением командира даже под выстрелами всей команды.

— Ах, все это слова! — раздраженно сказал барон. — Пустые разговоры, которыми вы хотите прикрыть свой страх перед матросней!

Селезнев вскочил с дивана:

— Господин старший лейтенант! Вы имеете дело с офицером!

— С бывшим, господин Селезнев, с бывшим...

Тихменев поднял тяжелую голову:

— Господа, вы забываете, что нынче даже стены имеют уши. Право, не время для ссор. — Он стал тщательно складывать лист, проводя по сгибам широким, аккуратно подстриженным ногтем. — Петр Николаевич! — Селезнев подошел к столу. Тихменев смерил его пытливым взглядом. — Считаете ли вы себя сыном России и способны ли вы для флота рискнуть головой?

— Так точно, — не колеблясь, ответил Селезнев.

Тихменев протянул ему запечатанный конверт.

— Чего бы это ни стоило, вы должны доставить пакет на «Свободную Россию». Лично кавторангу Терентьеву. Никому иному. Понятно?

— Понятно... Но... — Селезнев замялся, — я должен знать, что здесь написано.

Тихменев с удивлением глядел на Селезнева. Стоящий за спиною мичмана Остен-Сакен делал командиру какие то знаки. Видя, что тот не понимает их, барон сказал:

— Разрешите мне, господин каперанг, сообщить мичману содержание письма?

— Я думал, что мои офицеры еще не уподобились этому сброду, — хмуро произнес Тихменев, — но если... мичману недостаточно моего приказа, — Тихменев пожал плечами и передал пакет Остен-Сакену, — поступайте, как знаете. Пакет должен быть доставлен сегодня ночью. — Тяжело ступая, он направился к выходу. У самой двери приостановился и повторил: — Слышите: сегодня же ночью, во что бы то ни стало. Завтра будет поздно.

Тяжелая дверь резного дуба затворилась за широкой спиной Тихменева. Остен-Сакен держал конверт за углы длинными пальцами, поросшими такою же рыжей шерстью, как и его щеки.

— Вам во что бы то ни стало угодно знать содержание письма? — подчеркнуто-вежливо спросил он.

— Да, — твердо ответил Селезнев.

— Извольте-с. — Глядя на Селезнева своими бесцветными остзейскими глазами, Остен-Сакен отчеканил: — Даю вам точный текст: «С получением сего приказываю безотлагательно приступить к выполнению официальной директивы Совета Народных Комиссаров. Дальнейшее промедление может повести к непоправимым последствиям для всего флота и для России». — Он на секунду умолк и насмешливо сказал: — Ну-с, а директива господ народных комиссаров вам, вероятно, известна: русским морякам во что бы то ни стало стать самотопами. По мнению «товарищей» лучше утопить корабли, чем передать их немцам или хотя бы украинскому правительству, с тем чтобы когда-нибудь получить их обратно в целости и сохранности.

— Если суда эскадры попадут в руки немцев или их украинских прихвостней, на них тотчас будет поднят германский флаг. Они больше никогда не станут русскими. Они вступят в строй германского флота, чтобы держать под

своими пушками наше побережье или драться с кораблями, которые останутся верными России, — горячо произнес Селезнев.

— Значит, — глаза Остен-Сакена сузились, — вы не расходитесь во мнении с господами «товарищами»?

— Нет, — попрежнему твердо ответил Селезнев.

— И согласны с потоплением эскадры?

— Да.

— В таком случае можете взять этот пакет без колебаний.

— Вы даете мне слово в том, что именно таково содержание письма? — спросил Селезнев, глядя в упор на барона. — Слово русского офицера?

— Слово русского офицера? — переспросил Остен-Сакен. — Охотно. — И еще раз отдельно повторил: — Даю слово русского офицера.

Селезнев протянул руку к пакету. Остен Сакен нерешительно передал письмо. Селезнев держал его в вытянутой руке и глядел на конверт, словно стараясь сквозь его плотную бумагу проникнуть в содержание.

— Я должен видеть текст своими глазами, — сказал он наконец.

Остен-Сакен недоуменно поднял брови:

— Вам недостаточно моего слова?

— Нет.

Остен-Сакен смешался, его лицо выражало растерянность.

— Ну, знаете ли, мичман, это уже переходит всякие границы. — Он потянулся к письму. — Хорошо... Я переведу вам текст дословно. Во избежание ненужного любопытства оно написано по-английски.

— Благодарю вас, — резко сказал Селезнев, — я прочту и сам.

— Ни в коем случае. Верните пакет! — Остен-Сакен рванулся к Селезневу, шагнувшему к двери. — Слышите: отдайте пакет!.. Или...

Селезнев остановился:

— Или?..

— Все узнают, вся Россия узнает, что вы не офицер, да, да, не офицер, а...

— Ну-с, договаривайте.

— Вы не офицер, вы изменник России, вы большевик-с, милостивый государь!

Селезнев круто повернулся и, не отвечая, пошел прочь, но, прежде чем он успел взяться за ручку двери, за его спиной глухо стукнул выстрел маленького браунинга. Селезнев качнулся, без звука упал...

В каюту вбежал испуганный Тихменев.

— Что, что случилось? — Увидев тело мичмана, он остановился, как вкопанный. — Что вы наделали, боже мой, что вы наделали! — простонал он.

Но Остен-Сакен не дал командиру времени для жалоб и упреков. Подчиняясь указаниям барона, тучный каперанг послушно помог перенести тело в адмиральскую спальню. Труп тщательно накрыли одеялами и замкнули каюту на ключ.

Тихменев, как подкошенный, упал в кресло и снова простонал:

— Что теперь будет? Ведь он член судового комитета!

— Завтра мы будем в море под андреевским флагом, — закуривая, сказал Остен-Сакен. — Никакие комитеты не смогут нам помешать спустить мичмана за борт по всем правилам похоронного искусства.

— О, как бы я хотел быть в море! — уныло произнес Тихменев.

— Директива генерала Краснова ясна: требования фельдмаршала фон-Эйхгорна должны быть выполнены: корабли необходимо вернуть в Севастополь. И он будет там!

— Если бы это было так просто!

— Адмиральские орлы стоят того, чтобы поломать себе голову, — улыбнулся Остен-Сакен. Но то, что он этот момент увидел, согнало улыбку с его тонких губ. Прильнув лицом к стеклу двери каюты, так что нос расплющился в широкий белый пяточок, на кормовом балке стоял Найденов. Глаза его были полны испуга и любопытства. По этим глазам Остен-Сакен понял, что парень видит все. Одним прыжком офицер был у двери, распахнул ее, втащил мальчика в каюту. Не прошло и пяти минут, как Найденов оказался в той же спальне, где лежало тело Селезнева. Крепкая веревка не позволяла ему совершить ни одного движения. Тугой кляп плотно сидел во рту.

2. ЧЕСТНОЕ СЛОВО БАРОНА

Рука барона слегка вздрагивала, когда он подносил спичку взволнованно закуривавшему командиру.

— Какая страшная оплошность! — сказал Тихменев.

— Да, мальчишка мог испортить все дело, — согласился Остен-Сакен. — Удивительно, как я мог забыть, что эти паршивцы целый день торчали тут на беседке. Нашли тоже время. медяшку драить.

— Да, да, конечно, — рассеянно сказал Тихменев. — Там было двое мальчишек?

— Так точно. Один — наш юнга.

— Где же второй?

Остен-Сакен растерянно оглянулся.

— Вы правы, нужно его найти.

— Боже мой, — опять застонал Тихменев, — если он что-нибудь видел!..

Но Остен-Сакена уже не было в салоне. Он мчался по проходам корабля, по его нескончаемым палубам. Прошло не меньше четверти часа, пока он вернулся к Тихменеву, сопровождаемый Пашкой Житковым.

— Ну, малыш, рассказывай, что ты видел, — ласково спросил барон, плотно затворив дверь салона. — Ты был здесь минут пятнадцать тому назад?

— Никак нет.

Тихменев вопросительно взглянул на Остен-Сакена:

— Значит...

— Небось, это Санька, — весело перебил его Житков. — Найденов Александр, с гидробазы, летчик. Он тут на беседке оставался покурить.

— Летчик? Так, так... — Барон неопределенно покрутил пальцами и неожиданно вынул из кармана портсигар: — Кури.

Житков смешался:

— Благодарю покорно, не курю.

Офицеры заговорили между собой по-английски.

— Великолепная идея, — сказал Остен-Сакен: — этот парень может отвезти пакет Терентьеву.

— Вы думаете? — нерешительно спросил Тихменев.

— Он может уйти с корабля, не возбуждая подозрений, — сказал Остен-Сакен и обратился к юнге: — Хочешь получить двадцать пять рублей, нет, пятьдесят?

— На что мне?

— А что же ты хотел бы иметь? — заискивающе спросил барон. — Что бы ты хотел получить больше всего?

— Больше всего? — Пашка напряженно думал: — Больше всего? Только этого не может быть...

— Командир все может, — сказал барон. — Командир хочет сделать тебе подарок... Говори же!

— Больше всего?.. Браунинг! — мечтательно произнес Пашка. — Да разве его добудешь!

— Ты получишь браунинг, — сказал Остен-Сакен. — Но за это ты должен исполнить просьбу командира.

— Просьба просьбе рознь, — степенно произнес Житков.

— Командир обращается к тебе, потому что знает: ты стоишь взрослого матроса, на тебя можно полагаться. Ты мичмана Селезнева знаешь?

— А то как же: хороший человек.

— Свой?

— Свой, — уверенно сказал Житков.

— Так вот: твой приятель... как его?

— Найденов Санька?

— Вот, вот: Найденов. Он повез сейчас мичмана Селезнева на «Свободную Россию» с важным поручением. Но мичман забыл здесь пакет. Этот пакет нужно доставить вслед Селезневу. Можешь?

— Почему нет?

Тихменев пальцем подозвал юнгу:

— Видишь пакет?

— Так точно.

— Тут важные документы. Приказ о том, как сберечь для России флот, как исполнить приказ Ленина. Доставишь этот конверт капитану второго ранга Терентьеву на «Свободную Россию».

— А вам расписку?

— Мы сделаем так. — Остен-Сакен взял листок и набросал несколько строк: — Вот слушай, что я пишу кавторангу Терентьеву: «Доставившему этот пакет тут же выдайте браунинг с патронами». Понятно?

— Понятно! — радостно произнес Житков.

Барон вскрыл конверт и быстро набросал под подписью Тихменева по-английски: «Подателя сего ни в коем случае не выпускайте с корабля. Никто не должен знать о существовании сношений между нами». Старательно заклеил

конверт, запечатал его сургучом и передал Житкову: — Спрячь хорошенько.

— Будьте покойны, такого приказа не потеряем. — Житков спрятал конверт под тельняшку. Он хотел было уже идти, но вдруг остановился: — А там не обманут, дадут браунинг? — спросил он самого Тихменева. Вместо ответа тот кивнул в сторону Остен-Сакена. Барон внушительно сказал:

— Даю тебе честное слово: ты получишь свое. Но уговор: ни одна душа не знает о твоём отъезде с корабля. Есть?

— Есты!

Не чувствуя под собою ног от радости, Житков выбежал из салона.

Каждое слово, сказанное в салоне, было ясно слышно в адмиральской спальне. Найденов не мог шевелиться и говорить, но ничто не мешало ему слушать. Он, как угорь, извивался на ковре, покрывавшем палубу спальни. Бился головой, перекатывался с боку на бок — все напрасно: пути оставались такими же крепкими, кляп так же плотно сидел во рту. Из салона ясно донесся стук тяжелой двери, хлопнувшей за Пацкой.

— Славу богу, — произнес Остен-Сакен.

— Это мы скажем, когда капитан Терентьев даст нам сигнал, что готов следовать за нами в Севастополь, — сказал Тихменев, в сомнении покачивая головой.

Покрытые рыжей шерстью пальцы барона не спеша переходили от пуговицы к пуговице. Он расстегнул китель, закурил папиросу и, с наслаждением затянувшись, сказал:

— Gott mit uns!.. С нами бог!

3. ПОЗОР ИЗМЕННИКАМ РОССИИ!

В ночь с 16 на 17 июня 1918 года в Новороссийской бухте началось необычайное оживление. Команда линейного корабля «Воля», распропагандированная представителями новороссийского совета, державшего руку Кубано-Черноморской рады, поддержала Тихменева. Было решено идти в Севастополь. К морякам «Воли» присоединились команды нескольких миноносцев. Были корабли, где мнения команд разделились: одни стояли за то, чтобы топить суда, мень-

шинство за поход в Севастополь. С таких судов отгребали веревки шлюпок на миноносцы, решившие уходить, и главным образом на «Волю», чье решение плыть в Севастополь считалось самым твердым. Были суда, совсем или почти совсем покинутые командами. К этим тянулись лодки городского сброда, норовившего поживиться флотским добром. В числе кораблей, брошенных экипажами, был и дредноут «Свободная Россия». На его борту осталось едва шестьдесят матросов. Командир линкора Терентьев давно уже сочувствовал планам Тихменева. Получив через юнга Житкова прямое указание подготовиться к походу, он делал отчаянные попытки поднять пары. Но кочегаров, согласившихся нарушить приказ советского правительства, на линкоре было мало. Их нехватало на обслуживание даже половины котлов.

В ванной командирской каюты был заперт юнга с «Воли», доставивший Терентьеву предательский приказ Тихменева. Под утро Терентьев вернулся к себе в каюту, измученный напрасными попытками поднять пары. Он понял, что ему предстоит либо до конца разделить участь своего корабля, либо покинуть его навсегда, если он хочет вместе с другими изменниками бежать в Севастополь под защиту немецких и белогвардейских штыков. Выбор был сделан. Терентьев стал собираться в путь. Тут он подумал о своем маленьком пленнике. Но кто теперь поручится за то, что Терентьеву удастся добраться до борта «Воли», и за то, что Тихменев благополучно выведет «Волю» в море? Кто знает, не попадут ли предатели, собравшиеся на ее борту, в руки моряков, оставшихся верными советской власти? Было бы разумней сохранить втайне свои сношения с Тихменевым. Не долго думая, Терентьев выкинул ключ от ванной в иллюминатор и завалил дверь в нее всякими вещами, придав им такой вид, будто они уже давно-давно не разбирались.

Житков между тем безмятежно спал в своем заточении, не подозревая о ловушке. Во сне он крепко сжимал потеплевшую от его маленьких рук черную сталь браунинга. Сон мальчика был крепок благодаря стакану портвейна, которым угостил его офицер. Терентьев обещал утром снабдить посланца и патронами к браунингу. Но к утру, когда Житков разомкнул наконец отяжелевшие веки — захотел выйти из ванной, никто не отозвался на его стук. Дредноут был покинут Терентьевым и всей

командой. На стальном гиганте не осталось ни единой живой души. Напрасно стучал Папка в дверь кулаками и ногами, напрасно бил он в переборки всем, что попадалось под руки, — ему отвечало только глухое гудение стали.

Ничего не понимая, он опустил на решетчатую скамеечку около ванны.

«Что ж это такое? В тюрьме ч, что ли?.. Кабы Саньку сюда! Он бы меня вызволил, непременно бы вызволил!» растерянно думал Папка.

Он не знал, что его друг находится в еще более тяжелом положении, чем он сам...

По тому, что говорилось в салоне «Воли», Найденов мог составить представление о происходящем. «Воля» готовилась к походу. Ее мощный стальной корпус уже вздрагивал мелкой, едва заметной дрожью оживающих машин. Ночь не прошла для корабля бесследно. На нем собрались толпы дезертиров. В числе их было и несколько кочегаров, помогавших офицерам-изменникам поднять пар. Решившие идти с «Волей» в Севастополь команды миноносцев уже выводили свои корабли на внешний рейд Новороссийска.

Прислушиваясь к движению на корабле, Санька не смыкал воспаленных от бессонницы глаз. Снова и снова пытался он освободиться от своих пут. Но веревки на руках не ослабевали, только сильнее впивались в тело. Мальчик чувствовал, что руки его растерты в кровь. Невыносимо саднила раны жесткая пенька. Ничего не удалось сделать и с кляпом. От него ломило скулы, суставной сводило челюсти. Временами, когда силы иссякали в безнадежной борьбе, безразличие отчаяния охватывало Саньку. Он затихал. Но стоило ему услышать за переборкой голос рыжего барона, как ненависть охватывала все его маленькое существо. Воля к свободе заставляла мысль и тело напрягаться в отчаянном усилии освободиться. Казалось, все было испробовано, когда Саньке вдруг показалось, что веревки уже не так сильно сжимают затекшие лодыжки. Затаив дыхание, он шевельнул ступнями, и — о радость! — ими можно было двигать. Снова и снова, не думая о боли в суставах, о свинцовой тяжести, которой наливалось все тело от чрезмерных усилий, стал он шевелить ногами. Путы поддавались. Прошло часа два, и ноги юнги были свободны. Найденов мог

встать, оглядеться, мог ходить! Первым порывом было броситься к двери и начать колотить в нее ногами. Но уже подскочив к ней, мальчик юдумался: чего он добьется этим? Разумнее сделать вид, будто он попрежнему лежит связанный, как тюк. Он подошел к иллюминатору. Величественное, хотя и печальное зрелище представилось ему. Большая часть кораблей минной дивизии, оставшихся верными власти рабочих и крестьян: «Хаджи-Бей», «Фидонисий», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный» стояли неподвижно с приспущенными флагами, словно на них были покойники. Мимо них, оставляя за кормою траурные султаны густого дыма, тихо шло несколько миноносцев-изменников. Не находясь Найденев сам на борту «Воли», он бы увидел, что следом за миноносцами, глядя в яркое утреннее небо хоботами башенной артиллерии, медленно, как неповоротливое, ленивое чудовище, разворачивался и дредноут «Воля». Он как бы в последний раз показывал себя боевым товарищам — кораблям черноморской эскадры, борт к борту с которыми провел немало славных боев с вражеским флотом за родное Черноморье. Вот, как по команде, поднялись матросские руки над бортом «Хаджи-Бея», «Фидонисия», «Сметливого». Кулаки были сжаты. Единодушный вопль вырвался из тысячи грудей. Найденеву показалось, что он различает слово «позор». И тут же медленно отделился от строя остающихся кораблей миноносец «Керчь». Он выдвинулся так, чтобы его было видно со всех концов бухты, всем кораблям и городу. На мостике показалась худая фигура командира — старшего лейтенанта Кукеля. Его кулак поднялся над головой, так же как были подняты тысячи кулаков товарищей, и на рею «Керчи» взлетели яркие флаги сигнала: «Кораблям, идущим в Севастополь: позор изменникам России!»

Неужели этот сигнал презрения относился и к нему, маленькому моряку, всегда считавшему себя неотъемлемой частичкой боевого Черноморского флота? К нему, Александру Найденеву, будущему морскому летчику?! Нет, этого не могло быть! Он не мог уйти к немцам. Не мог, не смел рыжий баран вырвать его живым из рядов людей, верных Ленину! Найденев в отчаянии огляделся. В каюте не было ничего, что могло бы помочь ему освободиться или хотя бы дать сигнал туда, на волю, за борт корабля-тюрьмы. Взгляд

его остановился на тяжелой медной спичечнице, стоявшей на ночном столике у кровати. С огромным трудом Найденов собрал с палубы разлетевшиеся листки упавшей книги. Потом долго пытался зажечь спичку. Спички ломались, впустую чиркая по коробку. Несколько штук вспыхнули, но тут же погасли. В коробке осталась последняя. От этой крохотной палочки зависела его свобода. Мальчик напряг всю волю, чтобы заставить себя действовать не спеша. Он осторожно провел спичкой по коробку. Едва уловимый звук вспышки. Найденов стоял, боясь шевельнуться и потушить тлеющий огонек. Пятясь, мальчик поднес спичку к смятым листам книги. Они вспыхнули. Маленький костер разгорался на мраморе ночного столика. Найденов протянул к огню связанные руки. Огонь лизнул кожу. Закусив губу, мальчик заставил себя не отнимать руки от пылающих листков. Боль делалась нестерпимой. Он чувствовал, что веревка загорелась. Огненный браслет опоясал запястья. В глазах мутилось. Найденов терял сознание... Еще одно усилие воли, еще минута твердости, и... обожженные руки были свободны. Он поднял их над головой и застонал. Вырвав изо рта тряпку, он прильнул к графину с водой. Пил жадно, большими глотками, закрыв глаза. Когда он отнял пустой графин от губ и открыл глаза, то невольно попятился: перед ним стояло облако густого серого дыма. Сквозь едкий дым поблескивало пламя—горела постель. Прежде чем Найденов сообразил, что же следует делать, за дверью послышались торопливые шаги. Он услышал, как дверь распахнулась.

— Пожар! — раздался крик Остен-Сакена, невидимого за пеленой дыма. — Проклятый щенок!

4. ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!

В кают-компании миноносца «Керчь» шло совещание. Обсуждались способы уничтожения кораблей. Решили вывести их на стофутовую глубину, заложить подрывные патроны, открыть кингстоны и произвести взрыв. Если понадобится, то добывать сохранившие пловучесть суда минными выстрелами с «Керчи».

— Добывать свои корабли? — пробормотал старый матрос. — По своим стрелять? Сердце не позволяет.

Но другой резко перебил:

— Сердце? А ты зажми его зубами, твое сердце. — И обернулся к Кукелю: — Мой минный аппарат готов.

Команда «Керчи» решила подготовить свой корабль к тому, чтобы, потопив все корабли и приняв к себе на борт остатки команд, доставить их в Туапсе, а там затопиться и самим. Работа на «Керчи» продолжалась всю ночь.

Наступило 18 июня.

Миноносец «Керчь» был не только единственным кораблем эскадры, сохранившим всю команду, но и единственным, где царил порядок и дисциплина. Между командиром и моряками не было разногласий. Все сошлись на одном: лучше гибель, чем позорная сдача немцам.

Командир «Керчи», старший лейтенант Кукель, худой брюнет с черными грустными глазами, взошел на мостик. Крепко стиснув поручни, глядел он на проходящие мимо «Керчи» корабли тихменевского отряда.

Наконец, когда от головного миноносца остался на фоне неба лишь неясный мазок дыма, Кукель как бы пришел в себя. Он обернулся к сигнальщику, не отрывавшему глаз от бинокля.

— Уходят все-таки... — сказал матрос.

— Я все ждал, не проснется ли хоть в одном из них совесть моряка-черноморца, — грустно произнес Кукель и глянул на рею: там все еще полоскались флаги сигнала «Позор изменникам России!»

— Может, спустить? — спросил матрос.

— Нет, — решительно сказал Кукель, — пусть они видят это до конца. — Он указал на проплывавшую мимо «Керчи» стальную промаду «Воли»: — Их это касается больше других!

По мере того как линейный корабль приближался к «Керчи», на ее борту делалось все тише и тише. Один за другим подходили матросы и офицеры и застывали у поручней. Ненависть и презрение горели во всех взглядах. Полтораэта пар глаз пристально вглядывались в красавец-дредноут, словно старались навсегда запечатлеть его гордые контуры. И вдруг, на виду у всех, на высоком борту линкора произошло какое-то быстрое движение, суэта. Долговязая фигура офицера в кителе нараспашку пронеслась по верхней палубе. За ним мчался мальчик в изодранной тельняшке. Лохмотья лентами развевались за его спи-

ной. Добежав до носовой башни, офицер юркнул за нее, и под ноги преследователю полетел какой-то обломок доски. Мальчик упал, но тотчас вскочил и снова бросился за офицером. Тот быстро взбирался по внешнему трапу мостика. За ним, как кошка, карабкался мальчик. Он нагонял офицера. Но к тому времени, как он вылез на мостик, преследуемый успел добежать до противоположного крыла и стал стремительно спускаться. Его белая фигура мелькала среди орудий, пулеметов, прожекторов, сваленных бухт троса, кнехтов. Но где бы он ни появлялся, в нескольких шагах от него оказывался и мальчик. Офицер перепрыгнул на неубранный выстрел. Держась за леер, он пробежал несколько шагов и круто повернулся. В его вытянутой навстречу преследователю руке был зажат маленький браунинг. Офицер выстрелил. Никто из сотен зрителей не мог бы сказать, попал ли он в своего преследователя, но все видели, как мальчик стремительным рывком метнулся под ноги офицеру и вместе с ним полетел в море...

«Воля», не замедляя хода, продолжала идти вперед.

Это неожиданное происшествие разрядило напряжение, царившее на «Керчи». Два матроса бросились в шлюпку и сильными ударами весел погнали ее к дрейфуту.

Один из гребцов крикнул стоявшим у борта линкора матросам:

— Эй, на «Воле»! Кой там чорт, что у вас случилось?

— Ничего особенного, — равнодушно ответили им. — Паренек с гидробазы, Найденов, что ли, нашу рыжую орясину-барона за борт смайнал... Собаке собачья смерть.

Керченцы направили шлюпку к тому месту, где упали в воду Найденов с Остен-Сакеном. Но за кипящей пеной буруна, оставляемого винтами «Воли», ничего нельзя было рассмотреть.

5. ВСЕ ТОТ ЖЕ СИГНАЛ

Вынырнув на поверхность, Найденов жадно глотнул воздух. Первым побуждением мальчика было подальше уйти от струи, отбрасываемой винтами удаляющейся «Воли», и отдохнуть. Он отплыл в сторону, быстро освободился от обуви и парусиновых брюк и лег на воде.

Над головою мальчика расстилалась бесконечная синь жаркого неба. Санька огляделся. Он не сразу увидел офи-

цера за высокими гребешками буруна. Остен-Сакен вынырнул по другую сторону следа линкора. Теперь, тоже освободившись от обуви и верхней одежды, он поспешно плыл к порту. Когда Найденев заметил наконец своего врага, их разделяло уже расстояние в несколько десятков метров. Мальчик быстро поплыл. Он ясно видел на поверхности ярко-рыжую голову немца. Офицер часто оглядывался. Взмахи его рук делались все более поспешными, лихорадочными. Ему нехватало дыхания. Найденев понял, что нагонит барона. Почти уже настигая немца, он вдруг услышал за спиною какое-то шипение, бульканье. Найденев оглянулся и едва не глотнул от удивления и испуга воды: в какой-нибудь сотне метров пенился бурунчик! Черная труба перископа быстро вырастала над поверхностью моря.

«Откуда тут подлодка?» мелькнуло в голове Найденева.

Невольно глянул он в сторону порта, где стояла единственная подводная лодка «Нерпа». Ее силуэт попрежнему вырисовывался у стенки. Значит, это не «Нерпа». После первого испуга радость овладела Найденевым. Взмахивая руками перед перископом, он старался привлечь к себе внимание. Перископ быстро вылезал из воды. Пена с шипением сливалась с показавшейся рубки. Санька закричал от радости. Но тут же захлебнулся собственным криком: на рубке был ясно виден черный железный крест и большая немецкая буква «U». Все это видел и Остен-Сакен. Он тоже стал размахивать рукой. На рубке показались люди. Они с любопытством глядели на пловцов. Остен-Сакен крикнул что-то по-немецки. Ему ответили. Лодка уменьшила ход, совсем застопорила. Рыжий подплыл к ней. Конец мелькнул в воздухе. Барон схватился за него и вылез на палубу. Найденев видел лица немцев, слышал их разговор, но не понимал его. Остен-Сакен что-то сказал офицеру, показывая в сторону мальчика. Офицер отдал приказание. Матрос выбрал конец и снова ловко бросил его Найденеву. Но Санька не взял его. Остен-Сакен крикнул:

-- Принимай леер! Утонешь!..

Мальчик вместо ответа показал ему кулак и торопливо поплыл прочь. Но скоро, почти сейчас же, он услышал за спиною шипенье воды: лодка двигалась следом за ним и скоро настигла его. Снова мелькнул в воздухе леер. Найденев увернулся от скользнувшей по плечам петли

Немцы смеялись. Концы появились в руках всех, кто был на рубке. Они наперебой закидывали их, пытаясь поймать мальчика петлей. Он устал увертываться, нырять. Легкие разрывались. Сердце свинцовым молотом стучало в груди. Он понял, что борьба бесполезна. Перестал взмахивать руками и стал погружаться в море. Последнее, что он видел: яркая синева родного черноморского неба. Саньке казалось, что по лазоревому фону широкими, яркими полотнищами разостлались флаги сигнала: «Погибаю, но не сдаюсь»...

Найденов пришел в себя на тесной палубе немецкой рубки. Первое, что он увидел, было длинное лицо с мокрыми рыжими бачками — Остен-Сакен. Придавив мальчику грудь коленом, барон с помощью матроса быстро связал ему ноги.

— Теперь ты пойдешь кормить черноморских рыбок, — с наслаждением произнес барон. — Понял? Ну, отвечай: понял?

Санька стиснул зубы. Барон ударил его ногой. Он смотрел на мальчика и думал: что бы еще такое сделать обидное и злое? Но в эту минуту раздался крик немецкого офицера:

— К погружению! Русский самолет над нами!

Матросы поспешно спустились в люк. Барон нагнулся над Санькой, посмотрел ему в глаза, с видимым наслаждением плюнул парню в лицо и последним исчез в рубке. С тяжелым лязгом захлопнулся люк. Лодка быстро погрузилась. Вода шипела и пузырилась вокруг рубки. Волна лизнула борт, перекатилась через палубу, накрыла Саньку и сбежала на корму. Санька сделал было попытку шевельнуться, но понял, что это бесполезно. В его теле не осталось больше сил. Ему показалось, что темнозеленая стена воды, появившаяся над краем рубки, замерла и долго-долго стояла — темная, угрожающая, бездушная. Он не закрыл глаз перед надвигающейся смертью. Он не боялся. Перед его взором снова и снова полоскались яркие флаги незабываемого сигнала...

6. ПРЫЖОК В СМЕРТЬ

— Ну что, малец, крепко тебе досталось? — услышал Найденов над собою знакомый голос. Он с трудом открыл глаза. В голове стоял тяжелый туман. Страшная слабость сковывала тело.

Санька лежал на мягком песке на берегу, около гидробазы. Рослый матрос склонился над ним. Словно сквозь дрему, слышал Санька, как люди над ним говорили что-то ласковое, ободряющее. Он почувствовал, как его поднимают, несут. «Спать, спать!» было его единственным желанием...

...Санька открыл глаза. Сквозь белую занавеску на окне в дежурку рвались неуправляемые потоки света и тепла. Гудели мухи. Где-то звякнули склянки. Санька насчитал шесть ударов. Он осторожно шевельнулся. На запястьях рук он увидел белоснежные жгуты повязок. Так же заботливо были перевязаны ноги и царапина на плече от пули Остен-Сакена. Санька окончательно пришел в себя и засмеялся от радостного ощущения бодрости жизни. Одним движением он был на ногах. В голове появилась ясная, твердая мысль: «Житков! Нужно найти Пашку, выручить друга из беды, в которую тот попал». Он отчетливо вспомнил весь разговор Остен-Сакена с Пашкой...

Радуясь каждому своему движению, радуясь бодрости и силе, снова наполнявшим его тело, Найденков вышел на спуск гидробазы. Ослепительное сияние, отбрасываемое неподвижной водой, заставило его зажмуриться. Словно уснувшие птицы, покоились на горячих досках слипа гидросамолеты. Около них не было ни души. Санька шел вдоль аппаратов, трогал их рукою, будто желая убедиться в реальности того, что он снова у себя, на любимой базе, среди милых его сердцу летающих лодок. Санька с грустью оглядел аппараты и тяжело вздохнул: все это брошено на произвол судьбы. Часть офицеров ушла на «Воле», с Тихменевым. Летчики из матросов перешли на миноносцы, оставшиеся в Новороссийске. Рабочие мастерских разбрелись кто куда. Тишина, не нарушаемая даже обычным шуршанием ветра по расчалкам, царила на базе. Санька остановился. Сердце дрогнуло от жалости к боевым птицам, брошенным, как старый, ненужный хлам. Сесть бы вот сейчас в аппарат, взяться за ручку и лететь, лететь, куда глаза глядят... Санька перелез через борт ближайшей лодки и уселся за управление. Потрогал сектор, мысленно подал команду мотористу, положил руки на штурвал...

— Лететь собрался? — послышался вдруг над его головой насмешливый голос. Он поднял глаза и увидел унтер-офицера Ноздру, одного из немногих летчиков, остав-

шихся на базе. Санька недаром считал огромного Ноздру своим другом. Матрос действительно любил разбитного, толкового парнишку. Больше всех приложил он сегодня усилий к тому, чтобы выловить мальчика из воды после погружения немецкой подлодки. А потом, когда понадобится откачивать Саньку, не кто иной, как Ноздра, возился над ним, обливаясь потом под солнцем жаркого черноморского полдня.

Ноздра присел на борт лодки. Парусиновые брюки и тонкий полосатый тельник плотно облегли крепкое большое тело матроса. Закатанные по локоть рукава обнажали жгуты могучих мускулов на загорелых руках. Ноздра поднес к глазам большой бинокль.

— Сейчас начнут топить корабли, — сказал он.

Санька даже привскочил от неожиданности:

— Сейчас?

— На три часа назначено потопление. Вон «Свободную Россию» уже буксируют на большую воду.

— Где, где? — испуганно крикнул Санька. Его острым глазам не нужно было бинокля, — он и так видел, как темная махина дредноута выходит на рейд, увлекаемая на буксире пароходом.

— Иван Иванович, мне надо сейчас же туда, на линкор, — задыхаясь от волнения, проговорил мальчик.

— Хватился! — сказал Ноздра. — Сейчас «Керчь» будет его торпедировать.

— Иван Иванович, нельзя этого, нельзя! — со слезами в голосе крикнул Найденов. — Там Пашка!

— Какой Пашка? Оттуда все давно смайнались.

— Иван Иванович, — не унимался Санька, — я думал, вы мне друг, Иван Иванович! Пашка там!.. Его туда Тихменев с приказом к Терентьеву послал. Если не убили они Пашку, негде ему больше быть!..

Ноздра соскочил с борта лодки и пристально поглядел на мальчика:

— Я думал, ты бредишь.

Больше он не сказал ни слова и полез в самолет. Да Найденов и не нуждался в словах. Он понял: сейчас они полетят к «Свободной России». Вот это человек — Ноздра. На самолете они мигом догонят линкор. Не ожидая приказаний, Найденов взобрался на обшивку лодки и взялся за винт.

- Проверни! — раздался голос Ноздры.
- Выключено? — лихо крикнул Найденов.
- Выключено.

Напрягая все силы, Санька провернул винт. Перевел дыхание и звонко скомаидовал:

- Контакт!
- Есть контакт.

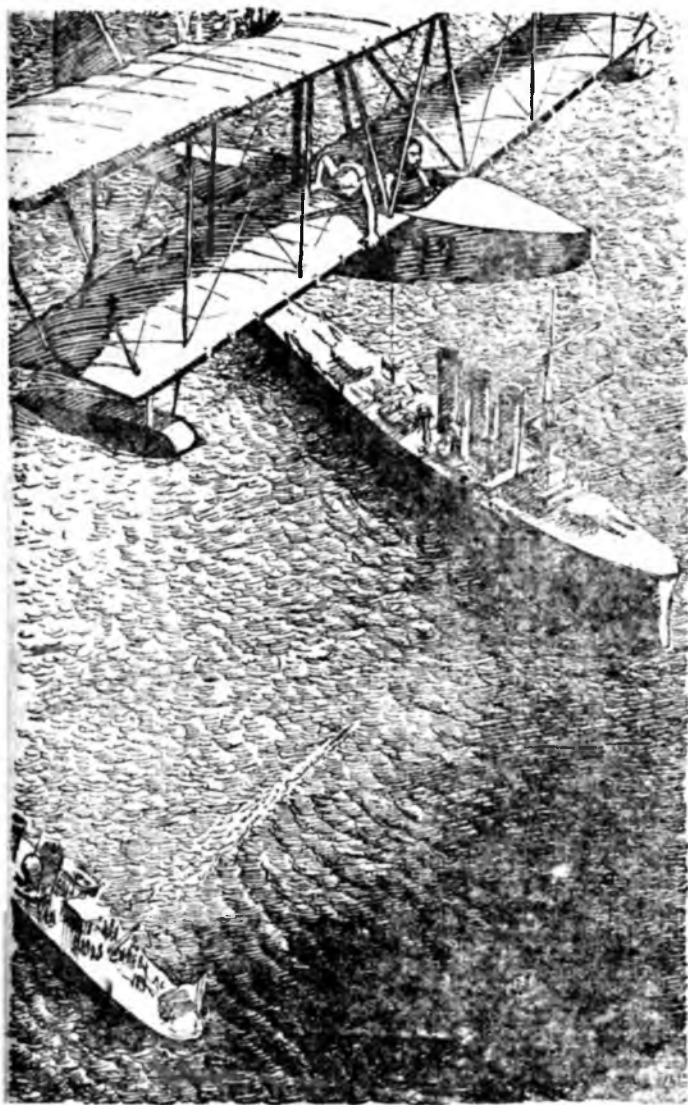
Санька всем телом повис на винте. Почувствовав, что лопасть вырывается из рук, отскочил в сторону. Винт метнулся порывисто раз, другой и перешел на плавное вращение. Мотор был запущен. Санька прыгнул в кабину и махнул рукой. Ноздра дал газ. Самолет, грохоча тележкой, покатился по спуску, с плеском и шипеньем врезался в воду и побежал, оставляя за собою пенный след. Срываемые воздушной струей брызги серебряным туманом стлались за разбегающимся гидросамолетом. Через минуту самолет, оторвался и взял направление на внешний рейд.

Самолет проходил над миноносцем. Найденов и Ноздра заметили, как от борта другого миноносца, стоящего на траверзе первого, протянулась белая пенная полоса по воде — след выпущенной торпеды. Оба поняли, что стреляла «Керчь». За шумом мотора они почти не слышали взрыва. Видели только, как высоко к небу поднялся сверкающий гейзер и разлетелся прозрачным туманом. Сквозь этот туман Найденов увидел высоко вздыбившийся нос раненого корабля. На нем ярко горела медь надписи: «Фидонисий». Ноздра сорвал шлем и склонил голову, словно перед ним было тело погибшего друга.

Гибель «Фидонисия» послужила сигналом ко взрывам на остальных кораблях, где были заложены подрывные патроны. Одна за другой хлестали по воде струи желтого пламени. Воздух дрожал и стонал от взрывов.

Корабли гибли по-разному: одни валились набок, обнажая красные днища, и медленно, словно борясь за жизнь, уходили под воду; другие исчезли в ней быстро, гордо поднимая к небу острые штевни. На кораблях, в вихрях воды, поднятых взрывами, трепетали яркие полотнища флагов. Все тот же традиционный предсмертный клич русских боевых кораблей: «Погибаю, но не сдаюсь».

— Ив... Ив... ич... — крикнул в ухо летчику Найденов, — садитесь поближе к линкору!

Иденко и Позди заметили, как от борта миноносца
выступилась белая пенная полоса по воде — след вы-
пущенной торпеды.

Ноздра отрицательно качнул головой и показал вниз: «Керчь» полным ходом шла к «Свободной России», чтобы нанести ей последний, смертельный удар.

— Сейчас дадут торпедный залп! — крикнул Ноздра в ухо Найденову.

Мальчик стиснул кулаки:

— Пашка там... Пашка!..

Самолет проходил над линейным кораблем. Просторные палубы были пусты. Гордо вздымались к небу стройные мачты с неподвижно повисшими флагами сигнала. Будто приготовившись к дружному залпу, смотрели на правый борт орудия главной артиллерии.

Санька растерянно огляделся: сейчас от борта «Керчи» протянется к линкору пенистый след торпед, раздастся страшный взрыв, и Пашка... Нет, этого не может быть, не должно быть! Любою ценой спасти друга! Санька решил сделать последнюю попытку уговорить Ноздру сесть, уже потянулся было к матросу, но зацепился за какой-то толстый белый конец, свисающий внутрь корпуса лодки. «Жюкмес»! Если все в порядке, то эта белая стропа парашюта должна идти за борт лодки, где укреплено желтое брезентовое ведро с шелковым куполом. Санька быстро перегнулся через борт: ведро на месте. Упругая струя воздуха рвала на Саньке волосы, одежду, сорвала бинт с плеча. Санька откинулся внутрь лодки и стал лихорадочно искать лямки. Быстро надел их, застегнул на груди, пристегнул на загибе карабин белой стропы. Теперь остается выпрыгнуть за борт. Санька не думал о том, что будет дальше. Он знал одно: другого способа упасть на корабль нет. Ноздра сделал крутой вираж и снова пошел к «Свободной России». Видно было, как за кормою «Керчи» спадают бурун. Приблизившись к линкору на дистанцию торпедного выстрела, миноносец застопорил машины.

Самолет подходил к линкору. Прежде чем Ноздра успеет понять, что происходит у него за спиной, Санька поднялся над бортом лодки и ринулся вниз головой в ослепительную бездну.

¹ Название парашюта по имени изобретателя француза Жюкмеса. Этот парашют, применявшийся в русской авиации в 1916—1918 годах, подвешивался снаружи самолета; подвесная стропа его шла в кабину летчика и прикреплялась к лячкам карабином по желанию летчика.

7. «МЫ ДРУЖБУ СВЯЗАЛИ КАНАТОМ...»

Повидимому, на «Керчи» не поняли намерений парашютиста или заметили его слишком поздно. В ту самую минуту, когда Найденов, на лету освобождаясь от лямок, с плеском коснулся поверхности моря, на борту «Керчи» появилось маленькое облачко. В воздухе мелькнуло длинное тело торпеды. Ее белый след на воде стремительно приближался к «Свободной России». Невольный крик вырвался из сотни грудей на борту «Керчи», когда там заметили падение парашютиста неподалеку от линкора: взрыв торпеды должен был быть для него смертельным. Найденов и сам видел движущийся на него пенистый гребень, но даже не сделал попытки отплыть от корабля. Он знал, что это безнадежно. Уйти от взрыва было невысказано. Но он не испытывал страха. Лишь досада наполняла его, — острая досада на то, что он не успел спасти Пашку. И вдруг он ясно увидел: торпеда пущена неверно, она не попадет в корабль. Радость охватила его, когда торпеда действительно прошла под носом линкора, не задев его.

Десяток крепких матросских голосов кричали с «Керчи»: — Плыви прочь!.. Уходи от корабля!

Спустили шлюпку.

Найденов поплыл. Но он направлялся вовсе не в сторону «Керчи», а к дредноуту. Быстро достиг трапа и побежал вверх. Через минуту его маленькая фигурка затерялась среди палубных надстроек.

Санька стрелой несся по палубе. Нырнул в первую попавшуюся дверь, помчался по внутренним проходам корабля. Если Житков попал в ловушку, его заперли где-нибудь недалеко от командирского салона, так же, как был заперт он сам на «Воле», подалеке от матросских глаз.

Вот и командирский салон. Все говорило здесь о поспешном бегстве хозяев. Санька остановился и крикнул:

— Пашка! Па-а-шка-а-а-а!..

Эхо гулко понесло его голос по пустым пространствам стального гиганта.

Санька затаил дыхание. Эхо замерло где-то в дальних закоулках. Все было тихо.

— Паша!.. Пашенка!.. — в отчаянии повторил мальчик.

Снова побежало звонкое эхо, отскакивая от переборок и палуб, дробясь и затихая. И снова ответом ему было мол-

чание мертвого корабля. Найденов заглянул в боковые каюты: пусто, беспорядочно разбросаны вещи. Забежал в спальню. Большой серый кот спокойно спал на командирской постели. У дверей ванной грудой лежали чемоданы, чемоданы, портпледы, офицерские носильные вещи — еще одно свидетельство растерянности и поспешного бегства. Санька в бешенстве ткнул ногой эту грудку.

— У, гады окаянные! — пробормотал он, стиснув зубы. Ему и в голову не приходило, что за дверью, заваленной этими вещами, томится его друг Житков.

Он собирался уже уйти из салона, чтобы продолжать поиски, как вдруг ему почудился едва уловимый высокий звук. Ему казалось, будто он слышит свист. Прислушался. Свист повторился. Санька уловил знакомый мотив любимой песенки, которую они не раз певали с Пашкой:

Мы дружбу связали канатом,
Гордимся мы дружбой такой...

Санька что было силы в легких просвистел мотив. И сразу же из-за двери, около которой были навалены вещи, послышались глухие удары. Найденов рванул дверь: заперта. Схватил первый попавшийся тяжелый предмет и стал колотить по замку. Дверь распахнулась. Из ванной выскочил Пашка...

Тем временем спущенная «Керчю» шлюпка подошла к «Свободной России» и приняла юных друзей. Через несколько минут «Керчь» дала новый торпедный залп. На этот раз торпеда взорвалась под носовой башней «Свободной России». Предползт вздрогнул, но никаких повреждений не было видно. Снова и снова стреляла «Керчь». Корабль оказался необыкновенно прочным. Только после шестого попадания, в самую сетчатую корпусу, бело-черный дым взметнулся над кораблем. Облако дыма заволокло весь линкор — с башнями, с трубами, по самые клотики мачт.

Когда дым рассеялся, с «Керчи» увидели, что мощная бортовая броня свалилась с дубовой подшивки. Брешь, окрашенная по краям кровавыми полосами сурьки, зияла, как огромная рана. Корабль слегка раскачивался. Еще одна торпеда — и потоки вспененной взрывами воды устремились в пробоины. Корабль медленно кренился на правый борт с дифферентом на нос. По мере увеличения крена все сильнее и сильнее слышались на корабле треск, грохот, звон. Лома-

лись и рушились предметы на палубах и внутри корабля. Срывались с креплений катеры, шлюпки, приборы. Все это с неимоверным шумом несло по палубе, скатывалось в воду. Под конец поползли со своих гнезд-установок 750-тонные броневые башни главной артиллерии. Сперва медленно, едва заметно, потом все быстрее и быстрее ползли они по кренящейся палубе. Они увлекали всё на своем пути, ломали и размалывали дерево, железо, сталь. Вытянув длинные хоботы пушек, башни нырнули в пучину. Высоко брызнули кипящие волны. Из глубины корабля продолжал доноситься скрежет и грохот. Там ударяли в борты скатывающиеся в погребах тяжелые снаряды, срывались с фундаментов не выдержавшие крена машины. Их удар в корпус был слышен далеко. Казалось, таинственные силы гиганта бушевали внутри корабля. Прошло четыре минуты. Все стихло. Корабль перевернулся вверх килем. Силою воздуха, сжатого тяжестью корабля, вода высокими кипящими фонтанами выбрасывалась сквозь кингстоны. На большое расстояние вокруг все было покрыто бурлящей пеной. Прошло больше получаса, прежде чем киль корабля скрылся под волнами в мочуем водовороте.

На палубе «Керчи» матросы и офицеры стояли в молчании, с обнаженными головами. Никто не шевелился. Угрюмы были лица.

Когда на месте погрузившегося дредноута улеглась последняя рябь, командир Кукель надел фуражку и громко сказал:

— Этой жертвы требовала Россия!

Пожилый матрос, все еще держа бескозырку в руках, повернулся к команде и крикнул:

— Товарищи! Этой жертвы требовала от нас революция, ее требовал Ленин. Но русский флот не погиб. Он будет жить. Да здравствует революционный русский флот, да здравствует революция, да здравствует ее великий вождь Ленин!

— Да здравствует флот... Да здравствует Ленин! — ответил ему могучий крик полутораста голосов.

Кукель потянулся к машинному телеграфу. Стрелка, звякнув, остановилась на словах «полный вперед».

«Керчь» развернулась и, высоко держа на мачте красный флаг, пошла прочь от Новороссийска. Она держала курс к берегам Кавказа.

8. ИХ СТАНОВИТСЯ ТРОЕ

Санька не пожелал оставаться на «Керчи». Он хотел вернуться к Ноздре, на родную базу. Когда они с Житковым подгребли туда, оказалось, что Ноздра был занят важным делом — готовился уничтожить самолеты, чтобы они не достались белым. Мальчики молча принялись помогать летчику. Запылал первый аппарат. Они оттолкнули его от берега. Второй, дымясь и разбрасывая снопы искр, покатился вместе с тележкой по слипу.

Последний самолет Найденов и Житков отвели подальше от пожара. Баки подожженных машин глухо рвались один за другим. К небу взлетали языки ярко-желтого пламени и столбы густого черного дыма.

И вот они стояли втроем у единственного уцелевшего гидросамолета — огромный сумрачный Ноздра и двое пареньков, измученных переживаниями последних суток. Мальчики казались совсем маленькими и беспомощными рядом с великаном-матросом. Но так же, как и он, они были готовы, если понадобится, снова и снова идти в борьбу друг за друга, за корабли и самолеты, за оружие и боеприпасы, которые нужны молодой Советской республике и которые нельзя отдавать в руки ее врагов.

— Куда ж теперь? — спросил Ноздра.

— За ними! — Найденов махнул рукой в море, в ту сторону, где исчезли на горизонте дымки «Керчи».

— Лучше бы вам тут оставаться, ребята, — ласково сказал Ноздра.

— Оставаться? — изумленно воскликнул Найденов.

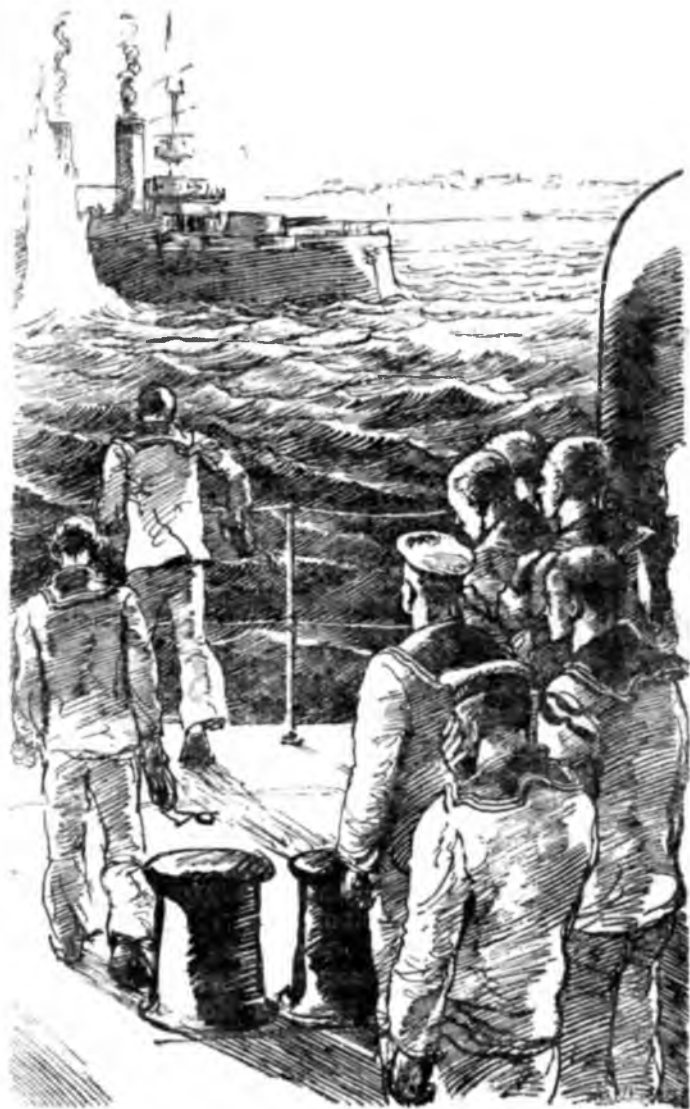
— Без вас? — спросил Житков.

— Пора вам кончать войну, — сказал матрос. — Не ваше это, не ребячье дело.

— Какие же мы ребята, Иван Иванович? — с обидой произнес Найденов. — Не для того мы на флот шли, чтобы нюни разводить. Пашка в бой на корабле ходил — настоящий моряк. А я... — Найденов исподлобья поглядел на Ноздру. — Вы не смотрите, что я подмастерье. Я летчиком буду, красным, советским, летчиком Ленина. Немцев буду бить, белых бить буду...

— Ишь ты! — усмехнулся Ноздра.

— Верно говорю, Иван Иванович. Вот вам моя рука. — Санька протянул матросу свою израненную руку. — Куда вы, туда и я. И Пашка с нами. Верно, Паш?

На палубе «Жерчи» матросы и офицеры стояли в молчании, с опущенными головами. Никто не шевелился. Угрюмы был и лица.

Житков молча протянул и свою руку и с размаху шлепнул ею по широкой ладони Ноздры.

— Это что же, у меня целый экипаж на гидрошке подбирается? — весело сказал Ноздра. — Ты, Санька, за механика, а ты наблюдателем будешь. Идет?

Глаза Пашки загорелись. От радости он не мог даже ответить и тут же полез в носовой люк лодки.

Санька без дальнейших приглашений занялся мотором. Ноздра пошел одеваться. Через час все было готово. Запустили мотор, столкнули тележку. Корпус лодки поплыл по тихой воде гидробазы.

Пашка, никогда не бывавший в воздухе, со страхом ухватился за борт, когда у него над головой взревел мотор.

Через полчаса полета они увидели дымки. Скоро ясно вырисовались и контуры миноносца. Это была «Керчь» Светящее в спину летчикам вечернее солнце делало корабль ярко-красным. Вся палуба его была унизана форменками моряков, казавшимися в этом свете розовыми. Даже пенистый след за кормой стлался розоватой взмыленной дорожкой, делавшейся все шире и шире по мере того, как уходил миноносец.

Ноздра хотел сделать приветственный круг над товарищами, сумевшими принести революции и России самую большую жертву, на какую были способны моряки, — корабли родного флота. После этого он намеревался лететь в Туапсе, куда направлялась и «Керчь». Но не успел он лечь в вираж, как сидевший в носовом отсеке Житков стал ему делать какие-то знаки, указывая вниз. Ноздра пригляделся и ясно различил на поверхности моря тонкую пузырчатую ленточку бурунчика, идущего наперекрест курсу «Керчи».

Найденов взволнованно крикнул в ухо летчику:

— Перископ!.. Это перископ!

Теперь и Ноздра видел: подводная лодка. На борту «Керчи», очевидно, не замечали перископа.

— Может, «Нерпа»? — крикнул Ноздра.

Найденов отрицательно качнул головой:

— Когда мы улетали, «Нерпа» стояла у стенки.

— Не ошибаешься?

Вдруг Найденов подскочил, как на пружине:

— Знаю, знаю! Это давешний немец...

Ноздра дал ногу, одновременно отжимая ручку вправо

Аппарат лег на крыло и сделал над миноносцем крутой разворот. Ноздра, Найденов, Житков — все наперебой старались криком и знаками дать понять миноносцу о появлении таинственной лодки. Но керченцы или не понимали сигналов, или не замечали их. Подводная лодка продолжала сближаться с миноносцем.

Ноздра понял: это действительно та же самая немецкая лодка, и ее намерения ясны — потопить собранных на «Керчи» моряков, оставшихся верными Советской России.

— Сейчас мы предупредим «Керчь»! — крикнул Ноздра и дал ручку от себя.

Они сели на курсе «Керчи». С миноносца их приветствовали бурными криками. Раздалось даже несколько выстрелов салюта из наганов. Но, как ни сигнализировали летчики, сколько ни кричали, за шумом мотора, за рокотом машин миноносца их не было слышно. Повидимому, там, на борту «Керчи», так и не разобрали их предостережений.

— Ничего не поняли! — сердито сказал Ноздра. — Словно очумели. Вот пустит их немец кормить рыбок...

— Вон, вон! — крикнул Житков, указывая на перископ. — Уж близко совсем!

Сомнений быть не могло. Лодка выходила на позицию для атаки. Самолет был у нее на траверзе, и в перископ не могли его видеть.

— Иван Иванович, будем в нее стрелять! Что-нибудь да надо сделать, все равно что! — сказал Житков. — Может статься, испугаем их там, в лодке...

— Что же, попробуем испугать, — сказал Ноздра, — попытаем! — И крикнул Найденову: — На моторе!

— Есть на моторе.

— Внимание! Даю газ. Пройдем у немца под носом, — небось, заметит!

Самолет побежал, сбивая гребешки волн. Он бежал долго и тяжело, делая свирепые барсы, отделился от воды. Ноздра повел его к лодке и низко-низко, едва не касаясь реданом воды, прошел перед перископом. Развернулся и снова пролетел так, чтобы обратить на себя внимание. Но лодка продолжала идти взятым курсом, прямо на миноносец.

— Ах, язви его! — с досадой воскликнул Ноздра. — Знают ведь, что голыми руками не возьмем!

Житков обернулся к летчику и что было силы крикнул:

— Дайте ему корпусом по перископу — сразу пройма!

При этом Пашка жестикулировал так выразительно, что хотя Ноздра почти ничего не расслышал за шумом мотора и свистом ветра в стойках, но понял мысль юнги. Поглядел за борт, смерил глазом расстояние до перископа.

— А ну! Надеть пояса!

Мальчики послушно влезли в тяжелые корки спасательных поясов.

Самолет, снова сделав несколько барсов и пеня воду пошел наперерез перископу. Повидимому, на этот раз немцы, делавшие вид, будто не замечают самолета, или действительно не замечавшие его, поняли, что им грозит Подлодка нырнула. Перископ прошел под самолетом. Пока Ноздра описал на воде кривую, чтобы выйти на курс под лодки, перископ снова показался над водой. Лодка шла не изменяя основного курса... Ноздра решил обойти лодку с кормы, чтобы в перископ не могли видеть самолета: тогда удар будет нанесен наверняка.

Скользя по воде, гидросамолет быстро нагонял лодку. Ноздра дает газ... Удар... Гидросамолет испытывает крепкий удар. Внутри его корпуса показывается труба перископа. Радостные крики летчиков сливаются с грохотом и треском. Ломаются крылья, стойки, звенят рвущиеся расчалки. Летчики оказываются в воде среди обломков самолета. Все это занимает не больше минуты. Перископ снова появляется над водой в нескольких саженях от разрушенного самолета...

Житков сильными взмахами плывет к перископу.

— Куда? — кричит ему Санька.

— Сейчас вернусь!

Ловким движением, перевернувшись в воде через голову, Житков стаскивает с себя тельник. Санька с любопытством следит за приятелем, не понимая, что тот намерен делать. Вот Житков уже рядом с трубой перископа. Он подплывает к ней сзади. Одним взмахом набрасывает на линзу свой тельник и туго скручивает его рукавами. Перископ быстро исчезает под водой. Радостно хохоча, Пашка плывет обратно к остаткам самолета.

Несколько раз то скрывается, то снова появляется над поверхностью моря неуклюжий моток Пашкиного тельника, накрученного на перископ. Тельник держится крепко, лодка остается слепой.

Тем временем «Керчь» продолжает удаляться к западу

Сквозь легкий гул винтов доносится беспечный напев баяна. Команда не хочет знать ни о каких опасностях.

Сделав еще несколько безуспешных попыток освободиться от ослепившей ее повязки, подводная лодка наконец всплывает. Как только над водой показывается рубка, с лязгом распаивается люк и матрос выскакивает на мостик. Его первым движением было броситься к перископу, но оглядевшись и увидев, что опасность не угрожает лодке, он нагибается над люком и кричит что-то внутрь. Оттуда высовывается несколько голов в матросских бескозырках. Они глядят на обвязанную вокруг перископа тельняшку и принимаются весело хохотать. Но вдруг смех обрывается: над комингсом показывается молодой офицер. Следом нерешительно просовывается рыжая голова Остен-Сакена. Немецкий офицер сердито отдает приказание. Матросы поспешно разбинтовывают перископ, выкидывают в воду полосатый тельник Житкова. Немецкий офицер внимательно следит в бинокль за удаляющимся миноносцем. Говорит стоящему рядом второму офицеру:

— Из-за этого проклятого тельника мы упустили всю ораву.

— Да, теперь их не догнать. Повезло большевикам.

— Интересно, кто из трех, плавающих там, в обломках, сыграл с нами эту штуку? Неглупо придумано!

— Мы можем это немедленно выяснить, — услужливо вмешивается рыжий барон. — Прикажите спустить тузик, а я сейчас же допрошу этих проклятых большевиков.

Офицер отдал приказание и снова обернулся к барону:

— Я тоже прокачусь с вами. Мне хочется поближе рассмотреть этих негодяев. Они лишили меня возможности пустить ко дну людей, осмелившихся нарушить приказ фельдмаршала Эйхгорна.

— Мы имеем полную возможность выместить на них нашу досаду, — сказал Остен-Сакен.

— Довольно слабая компенсация за ускользнувшую эскадру!

Матросы завели на концах две крохотные складные шлюпочки-тузика. В одну сел немецкий офицер, в другую — Остен-Сакен. Немец смело греб к остаткам самолета. Следом за ним нерешительно подгробал рыжий, стараясь держаться за спутником.

Немец внимательно разглядывал летчика и ребят, дер-

жавшихся за обломки своего аппарата, и говорил о чем-то с рыжим бароном.

Житков выхватил было из-за пояса свой браунинг, но тотчас с досадой отшвырнул его в воду: барабан был пуст.

Найденнов внимательно наблюдал за офицером. Ему бросилось в глаза спокойствие, с которым тот говорил, необыкновенная неторопливость движений и какая-то особенная, кошачья ласковость их. Лицо немца оставалось спокойным, как маска, во все время разговора. Ярко выделялись на нем колючие серые глаза, вспыхивающие иногда яркими, хищными огоньками. Голос офицера плохо вязался с его наружностью: он звучал необыкновенно резко, какими-то особенно звонкими металлическими нотами, хотя офицер ни разу не повысил голоса.

Именно из-за этого внешнего спокойствия офицера Найденнов и не заметил того, что произошло. Он был словно загнипнотизирован пристальным взглядом холодных серых глаз. Увидел только вдруг, что офицер торопливо бросил весла на воду и сильным ударом погнал свой тузик прочь от утопающих. Тут же Найденнов услышал отчаянный крик барона. Быстро обернувшись, Санька увидел, что Пашка, вцепившись в борт баронского тузика, силится его перевернуть. Барон поднял над головой весло. Замах был так силен, что череп Житкова должен был бы разлететься на мелкие кусочки, если бы вдруг разбитое в щепы весло не выпало из рук Остен-Сакена и он сам с проклятием не полетел в воду. Лишь после этого Санька услышал щелчок далекого выстрела: совсем уже недалеко, на расстоянии всего двух-трех кабельтовых, с запада медленно приближалась «Керчь», с борта которой заметили наконец всплывшую подводную лодку. На таком же расстоянии к востоку, поспешно приняв на борт обоих немцев, подводная лодка совершила экстренное погружение.

9. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ ПОГИБ—ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ!

Когда первый снаряд, пущенный с миноносца, полетел вслед немцам, из воды торчал лишь конец перископа. Потом исчез и он.

«Керчь» снова развернулась и полным ходом пошла на восток. Еще раза два показался у нее за кормой черный

тычок перископа. но выстрелы кормовых пушек заставили его спрятаться. Покатились с палубы и глубинные бомбы. Огромные фонтаны вспененной воды взметнулись далеко за кормой миноносца...

Полным ходом «Керчь» шла к Туапсе.

На мостике, рядом со старшим лейтенантом Кукелем, торчали из-за фартука две вихрастые головы. Две пары усталых детских глаз вглядывались в темнеющую даль моря.

Кукель ласково положил тонкую руку на одну из голов.

— Так-то, молодые люди, — неопределенно произнес он. — Ну, что притихли?

Житков отвернулся, чтобы командир миноносца не видел предательской слезы, упрямо ползшей из-под мигающих век, и тихо сказал:

— Жалко кораблей. Этакая красота навсегда погибла...

Кукель мягким движением откинул голову мальчика и пристально посмотрел ему в глаза:

— Навсегда?.. — Он покачал головой. — Нет, малыш. Не погибла она. Не погибла красота и сила русского флота! Пройдут годы—вдвое прекрасней, вдвое сильней родится он вновь. Могучий своей необыкновенной техникой, которую не раз перенимали у нас иностранцы; прекрасный несокрушимым духом русских моряков, чей флаг прошел по всем морям и океанам, чьим блестящим битвам и победам на протяжении нескольких сотен лет с трепетом внимал мир. Будет флот!

— Будет? — встрепелулись мальчишки.

Кукель кивнул.

— Будет!.. Вы слышали когда-нибудь миф о Фениксе, возрождающемся из огня? А такого огня, как эта революция, еще не бывало. Он все очистит, все обновит, все закалит. Верьте этому, ребята, если хотите быть моряками, если хотите служить флоту, служить России...

— Хотим, — прошептал Найденов. — Будем служить России, флоту и революции... так, как велит Ленин.

— Да, именно так, — сказал Кукель. — Иначе теперь нельзя. В его приказах сила и правда, в это верю и я. Иначе я не сделал бы того, что было мне труднее всего в жизни... Живите, ребятки, будьте моряками!

— Я буду летчиком, — решительно проговорил Найденов. — морским летчиком.

— А я в моряки, — мечтательно произнес Житков.

— Самолет и корабль будут когда-нибудь братьями, боевыми друзьями, достойными друг друга, — сказал Кукель. — Значит, и дружить вам до победы. Великая вещь — дружба, мальчики. Пуще зеницы ока берегите дружбу.

Вечерняя заря гасла за кормою. Солнце садилось стремительно. Едва успев коснуться своим распухшим шаром вздыбившейся воды, оно через несколько минут окрашивало уже только клотики мачт убежавшего от него миноносца.

Палуба тонула в полумраке. Скоро на востоке стали вырисовываться темные силуэты Кавказского хребта, последнего прибежища моряков погибшей эскадры. На палубе стало тихо. Оборвалось пение, смолкли разговоры. Люди прильнули к поручням, впиваясь взглядами в силуэты гор. Они наваливались на судно из темноты, таинственные, огромные... Каждый хотел увидеть в них свою судьбу — судьбу моряка, лишенного самого дорогого, самого милого, что было у него в жизни, — родного корабля.

В томительной тишине пробили склянки... Три... Четыре...

С невидимого в темноте мостика раздался негромкий, глухой голос командира:

— Товарищи моряки! — Кукель помолчал, давая время утихнуть шороху ног на палубе. — Товарищи черноморцы! Мы с вами исполнили самый трудный, самый тяжкий долг, какой может выпасть на долю моряка: мы уничтожили корабли родной эскадры. Другого выхода не было... Мы потопили свои корабли... — Голос Кукеля дрогнул. — Мы сделали это не только потому, что не хотели отдавать суда в руки наших заклятых врагов. Мы отважились на это еще и потому, что верим, — верим всем сердцем русских людей, — что гибель наших боевых кораблей не означает конца нашего славного, победоносного флота, заложенного царем-плотником и флотоводцем. Этот флот пронес свой победный флаг через пламя сотен битв, над водами всех океанов и никогда не спускал его перед лицом врага, как не спустили его сегодня и мы с вами... Теперь мы у цели. У нашей последней цели, друзья. Жертва должна быть принесена до конца. Одна наша «Керчь» бессильна что-либо сделать на Черном море. Выполнив свой долг до конца, мы должны уничтожить и наш славный корабль. Это трудно, очень трудно. Но... моряки мы или нет? — Голос зазвенел гневом. — Неужели у нас нехватило бы сил принести и еще более тяжкие жертвы,

если бы того требовала от нас страна, наша великая родина-мать? Она так хочет, она приказывает нам это устами Ленина. И... да будет так!.. Я прочту вам депешу, которую передаю сейчас на беспроводный аппарат: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь».

Наступила гробовая тишина. Вдруг внизу, среди струдившихся на палубе моряков, послышалось рыдание. Чей-то голос глухо произнес:

— Погиб Черноморский флот...

Перебивая его, раздался громкий голос командира:

— Да здравствует Черноморский флот!

Грозное в своей сдержанности «ура» прокатилось по миноносцу и стихло.

В тишину опять упал голос командира:

— Сигнальщик, поднять сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь».

В темноте зашелестели невидимые флаги, поднимаясь к реке.

— Бодман, приготовить шлюпки к спуску!

— Есть приготовить шлюпки к спуску.

— Травить пар, гасить топки!

— Есть травить пар, гасить топки.

— Открыть иллюминаторы и кинкеты. Приготовиться к открытию кингстонов. Проверить подрывные патроны!

— Есть открыть... Есть приготовить... Есть проверить... — четко доносилось с разных концов палубы.

Топот, шарканье ног.

Короткие команды вполголоса. Лаконические ответы. Скрип боканцев. Взвизгнули блоки талей. Плеснули о воду шлюпки. Стукнули в уключинах весла...

Один за другим отвалили от «Керчи» катеры и баркасы с людьми. Они отвозили на берег моряков и возвращались за новыми. Когда на корабле остались только командир и несколько человек, необходимых для открытия кингстонов и поджигания бикфордовых шнуров, Кукель молча в последний раз обошел миноносец. Он спустился в машину, прошел по кубрикам. Остановился на минуту в артиллерийском погребе, любовно тронул вытянувшиеся темные тела торпед. Быстро оглянулся — никого вокруг; он один в полутьме погреба. Торопливо вынул носовой платок и сделал вид, будто сморкается, — все-таки боялся: а вдруг кто-

нибудь увидит его минутную слабость? Усталым шагом словно через силу двигая ногами, вышел по тулкому трапу на палубу.

— В шлюпку, друзья, — тихо сказал он, словно боясь нарушить покой умирающего корабля. — Боцман, поджечь шнуры!

Боцман сделал шаг к трапу, остановился, сдернул с головы фуражку и торопливо, словно стыдясь кого-то, прильнул губами к шершавому железу пиллерса. Слышно было как звякнуло о металл серебро его дудки.

— Не могу, как хотите, не могу... — сказал он, ни на кого не глядя.

Кукель молча взял из рук боцмана коробок, чиркнул спичку и решительно поднес огонь к бикфордову шнуру. Синее пламя зашипело, побежало по палубе. В воздухе запахло порохом. Все молча спустились в командирский вельбот.

Через полчаса, ровно в час тридцать минут 19 июня, эскадренный миноносец «Керчь» перестал существовать. Он пошел ко дну на тридцатиметровой глубине против мыса Кадош, у Туапсе. Моряки стояли на берегу, пока волны не сомкнулись над их кораблем. Тогда они стали медленно расходиться. Одним путь лежал на юг — тем, кому мерещилось тепло, отдых, беспечная жизнь. Другие, те, кому опостылела война, кому хотелось отдыха и привычной трудовой жизни в деревне, решили пробираться в «Россию» — по домам, к родным избам, к женам, к семьям. Третьи тут же на месте собирались в отряд, чтобы начать партизанить в тылу белых армий.

Особняком сидела группа матросов вокруг боцмана Никитича, рассказывавшего о том, что на Волге идет война с адмиралом Колчаком за свободу, за революцию, за хлеб. И руководит сейчас этой борьбой из города Царицына самый верный, самый близкий Ленину человек — Сталин. Вот к этому-то человеку и надо идти всем, кто хочет сражаться за революцию, Россию, флот.

В этой группе, внимательно слушая старого боцмана сидели маленькие добровольцы — Паша Житков и Саня Найденов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА БУРАГО

10. ПОЧЕМУ НЕ ВИДНО САМОЛЕТА?

Лето выдалось холодное и сырое. Влажная прохлада ночи была так ощутительна, что горожане затворяли окна, едва солнце спускалось за острова. Даже любителей белых ночей не привлекало романтическое сияние, — они также захлопывали окна и раздраженно опускали шторы, чтобы не слышать ударов северного ветра.

Как почти во всех домах, окна были закрыты и в этой квартире. Свет лампы, затененной старым зеленым козырьком, падал на синее сукно огромного письменного стола. Стол был завален горою книг, тетрадей, папок, просто листов бумаги, сложенных стопочками и беспорядочно разбросанных, — чистых, исписанных аккуратными четкими строчками и небрежно исчерканных какими-то каракулями, формулами, диаграммами. Короче говоря, на столе царил беспорядок, граничащий с хаосом. У края стола, примостившись на коленках в глубоком кресле, обитом побелевшей от времени, потертой кожей, работала девушка. Ее голова, склоненная над тетрадь, горела в луче лампы золотом белокурых волос. Девушка была увлечена работой. Перепачканные в чернилах пальцы быстро водили пером. Губы беззвучно шевелились.

За спиной девушки, в полутьме огромного кабинета, слышались тяжелые шаги, приглушенные пушистым ворсом ковра. Человек, ходивший по кабинету, был необыкновенно велик и грузен. Его большая голова с шишковатым черепом казалась еще больше от обрамлявшей ее львиной гривы седых кудрей. Такая же седая огромных размеров борода ниспадала на широкую волосатую грудь старика, словно не помещавшгуюся под распахнутой фланелью пижамы. Держа конец бороды большими, поросшими селю

шерстью пальцами, старик засовывал его в рот и сосредоточенно пожевывал. Время от времени он останавливался перед одним из многочисленных книжных шкафов, брал с полки книгу, небрежно перелистывал и ставил обратно, не заботясь о том, попала ли она на место. Видно было, что он делает это совершенно машинально. Очевидно, так же машинально он остановился и перед большим стенным календарем.

— Погляди-ка, Валек, что здесь написано, — прозвучал вдруг его глубокий бас. — «В этот день доблестные моряки черноморской эскадры, оставшиеся верными советской власти, по приказу Совета Народных Комиссаров уничтожили свои корабли, предпочтя их гибель позорной сдаче немцам...» Подумать только, — задумчиво повторил он, — ты была тогда совсем крошкой...

Девушка подняла голову от тетради:

— Если ты будешь мне так помогать, я на веки вечные останусь в аспирантах.

Старик, не обращая внимания на упрек, подошел к ней тяжелыми шагами, под которыми скрипели скрытые ковром паркетины, и положил большую руку на золото ее волос.

— Подумать только, какая ты была тогда маленькая, — повторил он, — и вот извольте: невеста.

— Честное слово, папа, — повторила девушка, — ты мне мешаешь. Диссертация и так нелегко дается, а тут еще эти вечные разговоры.

— Вечные разговоры... пустые разговоры старика... Он вздохнул. — А не думаешь ли ты, что твоему орлу этот листок календаря куда интереснее, нежели то, будешь ты кандидатом физических наук или не будешь? Подумай ка: в этот самый день он...

Девушка со смехом бросила вставочку, схватила руку старика и прижалась к ней щекой:

— Ах, папа, папа, какой же ты, право, чудак! Начать с того, что все это произошло в Новороссийске вовсе не в «этот день»...

— То есть как так? — Косматые брови старика, как два больших крыла, взлетели на лоб. — Вот! — Он решительно указал на стенку. — Или «все врут календари»?

— Календари, может быть, и не врут, но ты уже три дня не отрываешь этот листок. Три дня ты пытаешься рассказать мне про гибель эскадры.

— Фантасмагория! — весело воскликнул старик. — По-ложительно я становлюсь стар. Впрочем, нет, чепуха! Знаешь, из-за чего это происходит? Я никак не могу найти точки, одной единственной точки, на которую можно было бы опереться, чтобы сдвинуть с места все дело...

— Ты заработался, папа, — ласково сказала Валя. Она сладко потянулась. — Знаешь что? Пойдем гулять, тебе это всегда помогает.

— Гулять? Да, да, конечно, это чудесно, мы пойдем гулять, — рассеянно сказал Бурого. Он улыбнулся и взглянул на Валю: — Показать?

Она молча глядела на отца. Она знала отца, знала по его тону, по выражению добрых смеющихся глаз, по тронувшей его губы лукавой усмешке, что ее ждет что-то удивительное.

— Принеси чашку кипятку, — сказал он и, когда она вышла, отпер ящик письменного стола и достал из него небольшой металлический стаканчик. Это был обыкновенный алюминиевый стаканчик для бритвы. Когда Валя вошла с чашкой горячей воды, Бурого поспешно накрыл стакан газетой.

— Отвернись и не гляди.

Он налил в стакан воды и закрыл его алюминиевой же крышкой. Подождал несколько секунд и торжественно произнес:

— Можно.

Валя обернулась и стала искать глазами то, на что, повидимому, смотрел отец. А он внимательно глядел на край стола, где только что был стаканчик. Но, сколько Валя ни приглядывалась, она ничего не могла увидеть. В доказательство тому, что принесенная Валею чашка пуста, Бурого жестом фокусника перевернул ее.

— Ни капли! — провозгласил он. — Найди воду. Только не обожгись.

Подойдя вплотную к столу, Валя почувствовала тепло. Протянула руку и с испугом отдернула: пальцы коснулись горячей поверхности металла.

— Я говорил: не обожгись, — проговорил старик. — Ну, теперь смелей, смелей!

Валя осторожно притронулась к горячей пустоте. Сомнений быть не могло — то был стакан. Вот его гладкий бок, вот крышка. Валя взяла стаканчик платком. Ощупью сняла крышку. Из стакана полилась вода. По мере того,

как стакан опоражнивался и остывал, он снова становился видим. Валя долго стояла, как замороженная, со стаканчиком для бритья в руке. Потом поставила его на стол, молча подошла к отцу и, обняв его, крепко поцеловала несколько раз:

— Я всегда говорила, что ты великий факир.

— Остается получить тот же эффект без подогревания окрашивающего слоя. Не можем же мы требовать от самолета или корабля, чтобы они держали свою внешнюю поверхность в подогретом состоянии!

— А если бы так?

— Если бы так — задачу можно было бы считать решенной. Они были бы невидимы для человеческого глаза. И далеко не всякая эмульсия на фотопленке способна была бы дать их изображение. Над этим пришлось бы еще подумать. Но, повторяю, подогревание окрашивающего слоя — химера. Нужно сделать еще один шаг...

— И мы его сделаем, папочка, правда?

— С таким ассистентом, как ты? Безусловно, — уверенно подтвердил старик.

— Ну, а теперь все-таки гулять, гулять, гулять! — воскликнула девушка. — Ты вдвойне заслужил хорошую прогулку.

Через несколько минут они встретились в прихожей. На Бурого был застегнутый на все пуговицы китель с контрадмиральскими нашивками на рукавах. Между золотом шитья глядели малиновые просветы инженера. Седая грива волос была тщательно подобрана в околыш морской фуражки. На ногах вместо обрезанных валенок, в которых старик только что разгуливал по кабинету, блестели ярко начищенные ботинки. Единственным отступлением от формы была тяжелая трость, которой он яростно постукивал на каждом шагу. Валя взяла отца под руку, и они вышли на залитый мягким светом белой ночи проспект.

— Твой-то орел не пришел нынче, — сказал старик.

— Он будет к одиннадцати, — уверенно сказала Валя. —

У нас есть еще время.

Они шли пустынными улицами. Тяжелая палка Бурого перебивала своим крепким стуком дробное постукивание Валиных каблучков. Шли молча. Когда вошли на плиту моста, шаги стали особенно гулкими. Старик остановился и, опершись на гранитный парапет моста, глядел вниз, где пыхтел широкогрудый буксир. Буксир тащил огромную

баржу с дровами. Подойдя к мосту, буксир издал хриплый, надсадный вопль, плюнул в небо снопом искр и сложил трубу вдоль кормы.

Валя задумчиво смотрела вдоль реки, стремительно несшей к морю ясные холодные воды. Старик заглянул дочери в лицо и осторожно притронулся к ее плечу.

— О чем? — тихо спросил он.

— Как ты думаешь, — спросила она, не оборачиваясь: — мы решим ее к осени?

— Ты не новичок в науке, девчурка, — сказал Бураго, — а задаешь вопросы подстать приготовишке.

— Должны, должны решить, — упрямо сказала Валя.

— Ну, раз должны... — усмехнулся он.

Они опять замолчали. Оба, как зачарованные, смотрели на любимый город, спящий в прозрачном сиянии ночи. Над их головами тянулись могучие чугунные ветви трехлапного фонаря, словно исполинское чугунное дерево выраставшего из каменной кладки моста. В матовых шарах не было электричества, но стекла сияли от пронизывающего их света белой ночи.

Где-то далеко, со стороны взморья, слышался, нарастая и приближаясь, гул самолета. Скоро мощная песня мотора звучала прямо над ними. Старик поднял голову. На кителе из-под бороды блеснул крошечный золотой барельеф Ленина.

— Ну вот, — обиженно проговорил старик, — ведь тут он, над самой головой, совсем недалеко, а не видно. А ведь краска на нем самая обыкновенная. Что это значит? Это значит, что угол, под которым на него падают лучи света.

Девушка рассмеялась.

— Это значит только то, папа, что ты стал плохо видеть, — сказала она и ласково тронула рукав его кителя.

-- Я тебя не понял. — Старик с досадой обернулся к дочери.

— Ты его не видишь, а я отлично вижу. Вот он, смотри, — и она протянула к светлому небу обтянутую перчаткой руку.

Бураго стукнул палкой, круто повернулся и пошел прочь. Валя догнала его и взяла под руку.

— Подлая штука — старость, детка, — грустно сказал он.

— Нет, нет! — Валя на ходу ласково заглянула ему в глаза, — ты просто устал. Очень устал. Я уверена, совершенно уверена, что мы ее решим.

— Мы не опаздываем? — спросил старик, чтобы переменить разговор.

— Ровно одиннадцать.

Они повернули к широким воротам своего дома. Завидев Бураго, дворник распахнул калитку. С какой-то особенной поспешностью сдернул шапку и поклонился.

— Противный он... всегда так противно кланяется, — сказала Валя отцу.

— Человек как человек, — равнодушно произнес старик.

11. ТАЙНА СТАКАНЧИКА

Из-за угла проспекта показались двое. Они шли не спеша, оживленно разговаривая. По нарукавным знакам одного можно было заключить, что он военный моряк в звании капитан-лейтенанта; на другом была форма майора морской авиации.

Трудно было узнать в этих рослых командирах двух когда-то неразлучных друзей — Найденова и Житкова. Что осталось в них от юных добровольцев времен гражданской войны? Разве что только две пары ясных голубых глаз да золото выгоревших на морском солнце белокурых волос. Лица их были покрыты крепким загаром. На верхней губе Житкова виднелись небольшие, подстриженные аккуратной щеточкой усы.

— Это чертовски хорошо, Паша, что мы встретились с тобой именно теперь, — говорил Найденов. — Еще немного, и ты не застал бы меня в городе. Собираюсь в командировку, нужно кончать важную работу.

— Не делай таинственного лица, — усмехнулся Житков. — Я знаю кое-что о твоей работе. По долгу службы я должен был ознакомиться с ней. Она близка к концу... А вот знаешь ли ты, Саша, что за эти два года, что мы с тобой не виделись, я стал твоим противником?

— Противником? Ты? — удивленно воскликнул Найденов.

— Представь себе, — Житков взял друга под руку. — Ты добиваешься возможности определять местонахождение самолета или судна, когда их еще не видно глазом и не

слышно человеческим ухом. А я, как мне кажется, близок к тому, чтобы свести на-нет все твои усилия.

Найденков испытующе посмотрел на Житкова:

— Вот как!

— Если я добьюсь того, чего ищу, никакие твои искусственные «глаза» не смогут найти моей подлодки, — уверенно сказал Житков.

— Даже в надводном положении? — живо спросил Найденков.

— И самолета в воздухе ты тоже не найдешь, пока не услышишь.

— Вот тут-то мы тебя и поймаем! — воскликнул Найденков. — Процесс превращения звуковых колебаний в световые мною уже почти достигнут.

— Почти! — многозначительно повторил Житков.

— Нет ни малейших сомнений, что я полностью решу эту задачу! — с горячностью сказал Найденков. — И тогда...

— Тогда? — переспросил Житков. Глядя на друга сияющими глазами, Найденков произнес:

— Тогда я... женюсь.

Житков остановился, как вкопанный.

— Что ты сказал?

— Да, да, — весело сказал Найденков, — женюсь! Я, убежденный холостяк, враг мирного семейного счастья в жизни командира, женюсь. И, честное слово, Павел, кажется, еще никогда в жизни я не был так счастлив, как нынче.

Житков задумчиво покачал головой.

— Нет, это не для меня, — решительно сказал он: — либо—либо. В таком деле, как наше, подводное, да и вообще как морское дело, нельзя отрывать от себя, от своего существа, от мыслей, желаний, чувств ни единой толики ради чего-то постороннего, ради личного.

— Ты как был загибщиком, так и остался, — сказал Найденков.

— А на тебе я просто ставлю крест и как на командире, и как на ученом, — резюмировал Житков. — Забыл ты наш завет — и баста. Да будет тебе пухом плита семейного счастья!

Житков поглядел на номера домов.

— Однако я с тобой забрел нивесть куда. Нет, улица — та самая, которая мне нужна. Но теперь уж поздно. Небось, мой ученый спит, как сурок.

— Вот и отлично, — обрадовался Найденов. — Идем со мной, познакомлю тебя с такой девушкой, какой ты еще в жизни не видел...

— А не поздно? — улыбаясь, нерешительно проговорил Житков.

— Пустяки, я сговорился на одиннадцать. Идем, идем! — И, взяв приятеля под руку, Найденов потащил его к воротам, у которых опять стоял дворник. Он услужливо распахнул калитку и низко поклонился Найденову.

Найденов быстро взбежал по лестнице и нажал пуговку звонка. Им отворила немолодая полная женщина в платье в черно-белую клеточку, подпоясанном нарядным белым фартуком с оборками.

«Ого, как в барском доме!» неприязненно подумал Житков и неохотно отдал фуражку женщине. При этом он обратил внимание, что она нечисто говорит по-русски.

— Они что, немцы, что ли, твои будущие родственники? — спросил он друга.

— Немцы? Почему немцы? — удивился Найденов. — Ах, ты об Аделине Карловне! Она живет здесь экономкой лет сорок, кажется. Наш Черномор души в ней не чает.

В комнату вошла Валя. Найденов познакомил ее с Житковым. Скоро пришел и Бурого. Он снова был в своей теплой пижаме и обрезанных валенках. У Житкова мелькнула мысль, что его не ждали, что он некстати. Моряк решил поскорее откланяться, ссылаясь на неотложное дело.

— Помилуйте, батенька, какие же дела по ночам? — добродушно загудел Бурого.

— Я должен отыскать тут одного ученого червя.

— Э, батенька, все черви давно заползли в свои норы. Идемте лучше чай пить.

— Нет, право же, мне нужно, — отнекивался Житков. — Это где-то здесь, на вашей же улице. — Он заглянул в книжечку: — «Дом пять...»

— Так это же в нашем доме! Может быть, я его даже знаю: квартира?

— Квартира?.. Квартира... семнадцать.

— Позвольте, позвольте, — расхохотался старик, — уж не ищите ли вы старого, выжившего из ума профессора Бурого?

— Совершенно верно, — обрадовался Житков. — Бурого Но мне его рекомендовали, как...

— И совершенно зря вам рекомендовали эту старую перечницу. Говорю вам с полной ответственностью: выжил из ума. Окончательно выжил. Сегодня это выяснено с полной точностью его собственной дочерью. Идемте чай пить.

Старик, посмеиваясь, пошел в столовую.

Житков растерянно посмотрел на Валею, на Найденова.

— Вы в самом деле ищете профессора Бураго? — спросила Валя.

— Конечно, — с легкой досадой отвечал Житков, чувствуя какую-то неловкость.

— Ну, так ты нашел его! — весело сказал Найденов.

— Позволь, профессор Бураго контр-адмирал, — пробормотал Житков, начиная догадываться.

Войдя следом за Валею и Найденовым в столовую, он увидел на спинке стула, на котором уселся старик, контр-адмиральский китель с орденом. Молодой моряк не знал, куда деваться от смущения.

Старик добродушно махнул рукой.

— Ничего, бывает! Садитесь. О делах поговорим после. Сначала чай, это куда важнее. — Он крикнул так, что зазвенели ложечки в стаканах: — Тузик! Чай на столе!

Послышался удар в дверь, и на пороге показался огромный сен-бернар. Зевая, он степенно вошел в столовую и, подойдя к Бураго, положил ему морду на колени. Бураго взял бисквит и подал собаке. Тузик, которому так мало шла эта кличка, осторожно взял печенье и лег у ног хозяина, преданно глядя на него умными глазами.

Экономка в клетчатом платье внесла пыхтящий самовар. Валя принялась было хозяйничать, но Бураго вдруг хитро подмигнул дочери:

— А не задать ли нам гостям хорошую физическую загадку? Ты ведь говоришь, что Сашин друг тоже физик. Сейчас увидим. — И старик, весело потирая руки, отправился в кабинет.

Житков не без удивления поглядел вслед чудаковатому адмиралу. В ответ на его вопросительный взгляд Найденов только улыбнулся.

— Александр Иванович — великий фокусник. Держись! Если не найдешь отгадки, навсегда падешь в его глазах как физик.

— У папы новый успех, — сдержанно сказала Валя Житкову. — Дома мы называем папу великим факиром..:

Она не успела договорить, как из кабинета послышался громоподобный голос Бураго. Все вздрогнули.

— Аделина Карловна! Аделина Карловна!

Экономка в клетчатом платье стремительно пронеслась через столовую в кабинет.

— Вы лазали сюда? — послышался сдержанный рокот могучего баса.

— Шо ви, Александр Ифаныч, зашем? — испуганно пролепетала экономка.

— Неправда, вы взяли стакан!

— Ах, стаканшик! Такой маленький стаканшик для бритья? Та, я его взяль.

— Как вы смели брать то, к чему я запретил вам прикасаться? Кто разрешил вам трогать стакан?

— Но он был грязни, его надо было шистить, — оправдывалась экономка, — а когда я сталь его шистить, увидаль, што он распаялься.

— Голова у вас распаялась, а не стакан, милостивая государыня! — не сдерживаясь, кричал Бураго.

В дверях показалась экономка. На нее наступал Бураго, потрясая огромным кулаком.

— Где стакан?

— Я даль его шинить, — лепетала экономка.

Огромные волосатые кулаки Бураго поднялись над головой скорчившейся в испуге женщины. Найденов и Житков вскочили: еще мгновенье — и эти кулаки опустятся на голову экономки.

— О, я даль его только Федор Васильевич.

— Сейчас же, немедленно вернуть стакан! — выкрикнул старик и, задыхаясь, упал на стул. От волнения старик изменился в лице. Не ускользнула от Житкова и бледность Вали. Девушка поспешно выбежала из комнаты вслед за экономкой. Старик поднялся и молча поплелся к себе в кабинет. За ним последовал сен-бернар.

— Ничего не понимаю, — тихо сказал Житков другу когда они остались одни: — столько шума из-за какого-то стакана! — Он замолчал, увидев, что общее волнение передалось и Найденову.

— Мне эта история не нравится, — задумчиво проговорил летчик.

— Да что же это за таинственный стакан? — нетерпеливо спросил Житков.

— Этот стакан не должен был выходить за пределы самого узкого круга лиц, — негромко сказал Найденов. — Вообще старик сделал ошибку, что принес его домой.

— А кто этот Федор Васильевич, который взял чинить стакан?

— Федор Васильевич? — переспросил Найденов. — Это здешний дворник. — С этими словами он торопливо вышел следом за Валей.

12. АДЕТИНА КАРЛОВНА СТАРАЕТСЯ НЕ ШУМЕТЬ

Житков чувствовал себя неловко. Его оставили в столовой, нисколько о нем не заботясь. Бураго, шаркая валенками, несколько раз входил в столовую и сердито спрашивал:

— Еще нет? — И, не дождавшись ответа, снова исчезал в кабинете.

Наконец вернулись Найденов и Валя. В руках у Вали Житков увидел алюминиевый стаканчик для бритья.

— Сколько раз я говорил Александру Ивановичу, что не следует ничего выносить из лаборатории, — тихо сказал Найденов, не замечая появившегося в дверях Бураго.

Старик нетерпеливо выхватил из рук Вали стаканчик, внимательно осмотрел его, поднеся к самым глазам, и только тогда обратился к Найденову:

— Вы что же, Саша, полагаете, что я сам не знаю, что мне делать?

Найденов выдержал его взгляд и спокойно ответил:

— Вы очень хорошо знаете все, что касается вашей научной работы, Александр Иванович, но, право, мне никогда кажется, что хороший, верный друг мог бы уберечь вас от многих неприятностей...

— По-вашему, мне нужна нянька? Комиссара хотите ко мне приставить?

— Вам нужен помощник, настоящий друг и советчик, — повторил Найденов.

Бураго вспыхнул.

— Я, сударь мой, русский человек и там, где речь идет об интересах России, не нуждаюсь в советчиках.

— Александр Иванович... — начал было Найденов. Но старик, не слушая его, повысил голос:

— Пушкарских дел мастер Онуфрий Бураго для царя

Ивана казанский кремль порохом взрывал; корабельные мастера Бураго, отец и сын, царю Петру азовскую эскадру строили; инженерный кондуктор Степан Бураго с шестовой миной в руках на турецкие корабли ходил. Э, да что говорить! Разве мало того, что поручик по адмиралтейству Александр Бураго под сопкой Большой у Порт-Артура свою минную галерею до самой японской осадной батареи довел и взорвал, милостивые государи, взорвал-с, несмотря на то, что под землей, как крот дерясь с врагом, зубами и лопатой, вот в эту самую грудь два японских штыка принял. Вот их следы, целы-с! — Старик распахнул пижаму. На широкой груди белели два широких шрама.

Молчание воцарилось в столовой.

— Не это сейчас нужно, — сказал Житков. Все посмотрели на него. Бураго нахмурился. — Война идет пока под землей, втемную, втихую, подчас с завязанными глазами, наощупь. Не пушками, а зубами. Враг подл и хитер. Он проникает к нам в любом обличье. Подчас в юбке.

— Что вы, молодой человек, хотите сказать? — настояжился старик.

— Прошу простить меня, товарищ контр-адмирал, — сказал Житков. — Может быть, это и не мое дело, но...

— Как это не ваше дело? — вскинулся Бураго. — А чье же это дело, если не ваше? Мое личное, что ли? Это наше общее дело, русское дело! Ругайте меня, ругайте, коли заслужил. Сколько раз Саша мне говаривал: не носи ты, старый дурень, домой секретных вещей, не носи! Видно, действительно комиссара мне хорошего не хватает. Ладно, завтра же рапорт подам: давайте мне комиссара.

Старик снова поглядел на стаканчик, который он продолжал держать в руках, покачал головой и улыбнулся.

Он любовался стаканчиком, словно это было редчайшее произведение искусства. Жестом фокусника поставил его на середину стола, снял крышку, сунул ее в карман и сделал Вале знак наполнить стакан кипятком. По мере того, как стакан прогревался, наполняясь водой, он исчезал, словно таял в облачке пара. Когда его вовсе не стало видно, Бураго сделал движение рукой, словно поднимал что-то со стола, и вода струей полилась в полоскательницу из пустого пространства. Житков смотрел, как заворуженный.

— Тот, кто посылал меня к профессору Бураго, знал, что делает, — взволнованно сказал он наконец, подошел к старику и крепко пожал ему руку. — С этим можно перевернуть все представления о подводной войне. Я думал, что сделал много, но, оказывается, это ничего не стоит по сравнению с тем, чего достигли вы.

Старик заметно повеселел. Он расхаживал по комнате большими тяжелыми шагами и говорил, обращаясь главным образом к Житкову:

— Добиться успеха в деле невидимости корабля, хотя бы для человеческого глаза, это значит произвести поворот в вооружении страны. Моей лабораторией уже очень много сделано в этом направлении. Но кое-что еще неясно. И, знаете, кто больше всех полезен мне на данном этапе работы? — Бураго остановился и широким жестом указал на Найденова: — Вот он, наш противник! Именно то, что он работает над методом определения места самолета комбинированным оптико-акустическим прибором, дает мне возможность все время проверять самого себя. Консультируя Найденову, я непрерывно опровергаю сам себя. И я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу, что опровергнуть меня нельзя!

— Каковы его успехи? — спросил Житков, с улыбкой глядя на Найденова.

— С такой головой, как у Саши, можно добиться многого, — убежденно произнес старик. — Собственно говоря, он решил важнейшую и труднейшую половину задачи: нашел метод трансформации в световой показатель тепловой или звуковой волны, излучаемой объектом наблюдения. Остается решить вторую половину: привести этот отвлеченный показатель к удобочитаемости. Неожиданно мы натолкнулись на значительные трудности. Но, мне кажется, эти трудности не непреодолимы.

— Выходит, что если вы добьетесь невидимости объекта, Александр опрокинет ваши достижения тем, что все равно сумеет найти его в пространстве? — спросил Житков.

— Вот, вот! Почти так, но не совсем. Он действительно сможет определить положение в любой среде, — будь то вода или воздух, — любого предмета вне предела видимости человеческого глаза, если... если этот предмет не будет иметь моего защитного покрытия...

— Все это еще раз убеждает меня в том, что ваше

открытие не должно попасть ни в чьи чужие руки, — сказал Житков.

— Да, да, вы правы, правы, — произнес старик и, взяв со стола стаканчик с таким видом, словно ему угрожала опасность, унес его в кабинет.

Молодые люди, посидев еще немного с Валей, распрощались и вышли вместе.

Оставшись один в своем кабинете, Бураго еще долго ходил между шкафами. Потом принялся прятать стаканчик в потайной ящик стола. Вынув крышку стаканчика из кармана, он внимательно осмотрел ее. Ему показалось, что в одном месте крышки металл поврежден острым предметом. Бураго взял лупу и долго рассматривал поцарапанное место. Старик недовольно покачал головой и спрятал крышку вместе со стаканом. Долго сидел, откинувшись в старом кресле, и жевал конец бороды. Потом порывисто схватил перо и принялся поспешно набрасывать в блокноте ряд формул. Быстро вырывал из блокнота исписанные листки и откладывал в сторону под пресс. К утру, когда за окнами уже послышался визг трамвая на повороте улицы, Бураго наконец собрал листки и просмотрел написанное. С пачкой листков в руке, напевая что-то веселое, он вошел в комнату Вали и очень удивился, увидев, что она спит. Недоуменно поглядел на часы. Они показывали пять. Подошел к окну. Проспект просыпался. Дворники с метлами в руках собирались по-двое, по-трое и делились новостями, прежде чем приступить к утренней работе. Вдали, со стороны вокзала, показался трамвай. Когда он остановился на углу, из трамвая вылезла гурьба молочниц и, бряцая бидонами, завернула к рынку.

Вернувшись к себе, Бураго сложил исписанные листки в портфель. Но, подойдя уже к дивану, где была по обыкновению постлана ему постель, раздумал. Вынул листки из портфеля и переложил в бумажник. Бумажник сунул под подушку, с неожиданной для его лет быстротой разделся и залез под одеяло. С видимым наслаждением откинулся на подушку, потянулся, закинув руки за голову. Вдруг, словно вспомнив что-то, быстро сбросил одеяло, нащупал босыми ногами туфли, отыскал в углу кабинета свою тяжелую трость-дубинку, принялся отвинчивать ручку из слоновой кости. Несколько оборотов — и в одной руке Бураго ока-

Бураго вынул из бумажника листки, свернул их трубочкой и засунул в полость трости.

зался тяжелый стилет, в другой — трость-ножны. Он подул в их пустую полость и довольно рассмеялся.

— Вот так портфель! — с радостным удивлением сказал он важно восседавшему рядом с ним и внимательно следившему за каждым его движением Тузикв. Бураго принялся разъединять клинок и служившую ему эфесом ручку. Проделав это, он вынул из бумажника листки, свернул их трубочкой и засунул в полость трости. Ручку слоновой кости навинтил на место. Лишь после этого он лег, наконец, в постель, поставив дубинку в изголовье. И скоро в кабинете, отгороженном от улицы тяжелыми портьерами, не стало слышно ничего, кроме ровного дыхания Бураго. Он спал совсем не по-стариковски: без храпа, без сопения. Большая голова с львиной гривой седых кудрей безмятежно покоилась на подсунутой под щеку ладони.

Час или два во всей квартире царила тишина. Потом слышались осторожные шаги, заглушенные мягкими туфлями: Аделина Карловна убирала квартиру. Когда все комнаты, кроме тех, где спали отец и дочь, были убраны, Аделина Карловна принялась чистить платье. С такою же педантичностью, как перед тем обтирала мебель, мыла чайную посуду, протирала суконкой каждый вершок паркета, чистила она теперь китель Бураго и его ботинки. Покончив с этим, Аделина Карловна направилась в кабинет, неслышно отворила дверь, округлыми мягкими движениями разложила все по местам, сняла со спинки стула брюки. При этом, едва слышно звякнув, скользнул на ковер какой-то блестящий предмет. Аделина Карловна замерла, испуганно покосившись на спящего. Бураго спал... Аделина Карловна нагнулась с неожиданной для ее полного стана легкостью и с удивлением подняла клинок. Долго и внимательно разглядывала его. Потом ее взгляд остановился на прислоненной в изголовье постели трости. Экономка положила клинок на место. Еще раз пригляделась к лицу спящего и схватив трость, исчезла так же неслышно, как вошла.

Несколько времени спустя, когда Валя, сладко потягиваясь после сна, в легком халатике вбежала в кухню, Аделина Карловна старательно протирала профессорскую трость влажной тряпкой. Замидев Валию, экономка отставила трость и ласково притянув к себе девушку, поцеловала ее в душистое золото волос:

— Гутен морген, мэйн херцхен.

Через минуту брюки Бураго, тщательно вычищенные и выгуженные, висели на прежнем месте. У изголовья дивана стояла черная трость.

— Глейх вирт дер кафе фертиг, да канст ду шон веккен узерен либен профессор, — сказала экономка Вале, когда та, приняв душ, выходила из ванной.

— Милая Аделичка, — весело сказала Валя, — что бы мы делали без вас? Я, кажется, неспособна сварить чашку простого кофе.

— О, это большой искусф! — важно сказала экономка и принялась цедить густую черную жижу сквозь ситочки трехэтажного кофейника. — А профессор без кофе только полофина профессор.

— Это верно, — рассмеялась девушка, — наш Черномор без кофе просто уже не Черномор.

— А с кофе он уже не только профессор, но и целый факир, — раздался в дверях густой бас Бураго, и он принял в широкие объятия подбежавшую дочь.

Аделина Карловна умильно глядела на них, сложив на животе пухлые ручки.

13. СОВЕТ МОЛОДЫХ

На следующий день в кабинете Бураго в отсутствие хозяина собрались Валя, Найденов и Житков. Двухлетняя разлука, вызванная службой, не могла подорвать старой дружбы, рожденной в годы гражданской войны, скрепленной совместной учебой и дальнейшей работой в области полюбившейся им обоим физики. Не могло их разъединить и то, что они увлекались совершенно различными разделами этой науки. Объединяющим началом, раз и навсегда соединившим их судьбы, помимо личной дружбы, были море и воздух. Эти стихии, покоряющие сердца тех, кто однажды соприкоснулся с ними и полюбил их, безраздельно владели молодыми людьми. Каждый по-своему: Житков — в подводном деле, Найденов — в авиации, они навсегда отдали свою жизнь огромной, захватившей их своим величием и красотой задаче строительства советского флота. Перед глазами молодых пареньков-добровольцев Саньки Найденова и Пашки Житкова прошла борьба за судьбы черноморской эскадры. Слова командира «Керчи» о фениксе-флоте, который возродится из очищающего пламени революции

еще более прекрасным и могучим, навсегда запали в души друзей. Позднее, когда они познакомились с чудесной историей родного флота, слова умного и талантливого адмирала Макарова о том, что Россия своим главным фасадом выходит на море, прозвучали для них своего рода программным напутствием. Вместе с большевистской партией, членами которой они стали, и под ее руководством они пришли к единственному для них решению: всю свою жизнь, все силы и помыслы отдать любимому флоту. Не случайно поэтому, что по окончании аспирантуры в Институте физико-технических проблем, где оба защищали кандидатские диссертации, они оказались в Морской академии. Быть может, они ничего не знали о роли, которую сыграло в их решении осторожное и заботливое влияние человека, никогда не перестававшего следить за их жизнью и руководить ею, — роли адмирала Ноздры. Но это не было их виной. Их старый друг стоял так высоко на служебной лестнице, он так осторожно направлял их путь, что заметить его влияние было бы и не легко. И вот тропа жизни молодых друзей, то соединяясь, то снова разбегаясь, в конце концов привела их в кабинет старого профессора инженер-контр-адмирала Александра Ивановича Бурого. Не имело значения, что они пришли сюда в разное время и за решением задач не только различных, но даже антагонистических, — они были снова вместе.

Сегодня они собрались для обсуждения своих планов. Очень скоро беседа приняла бурный характер.

Житков широкими шагами мерил вдоль и поперек кабинет, говорил горячо, взволнованно, жестикулируя:

— Старик правильно поставил вопрос: «Раз я сам убедился в том, что мне нужен комиссар, я хочу иметь этого комиссара. Прежде всего это должен быть коммунист-ученый. Это должен быть человек, верящий мне так же, как я верю ему». Химера? Нет, это возможно. Такие люди у нас есть. Старик четырежды прав, указав на тебя как на желательного комиссара-друза, помощника. Верно, Валя?

При этих словах Житкова Найденов с надеждой посмотрел на Валю: она должна понять его желание уклониться от этого назначения.

— Пойми, Павел, — сказал он: — эта работа уведет меня от моих научных исканий.

Найденову казалось, что с этим доводом нельзя не согласиться. Он снова взглянул на Валю, ища поддержки. Но

к своему удивлению, он не встретил привычной, ободряющей улыбки девушки. Ее взгляд был почти суров. А Житков продолжал спорить, доказывая правоту старого профессора. По его мнению, Найденов достаточно долго работал бок о бок с Бурого, чтобы поступиться теперь своими научными интересами в пользу других работ, ничуть не менее серьезных, а может быть и более важных, чем его собственные. Нельзя не отдать должного проницательности старика: не случайно он избрал своей темой невидимость, а не обнаружение предмета в пространстве, над которым работает Найденов.

— Это дело его личных склонностей, — сказал Найденов.

— Нет, это результат его обостренного чутья старого ученого, — возразил Житков.

— Чутье здесь ни при чем. Обе темы поставлены в план его лаборатории командованием, как одинаково важные, — настаивал Найденов.

— Тем лучше. Ты, как комиссар лаборатории, будешь следить за тем, чтобы ни одна из начатых работ не глхла. То, что я видел вчера здесь, в столовой, убеждает меня в своевременности перенесения работ на опытовое судно, а может быть и прямо на боевой корабль, под воду, к чорту в зубы, в общем — поближе к практическим условиям!

— Александр Иванович никогда не согласится выпустить из своих рук незаконченную работу, — сказал Найденов. — Он не отдаст незавершенный труд в чужие руки. Как ты думаешь, Валя?

Девушка неопределенно пожала плечами.

Найденов подошел к окну и задумался. Он знал, что командование охотно пойдет на назначение его комиссаром лаборатории: ему верят как коммунисту, его знают как одаренного физика и как очень осторожного человека. Но не давала покоя мысль о том, что назначение его комиссаром при Бурого могло бы помешать его личной научной работе. Он колебался. Как советский человек, как командир и прежде всего как коммунист, он обязан был подавить в себе личные склонности и на первый план поставить интересы дела. Это было не легко...

— Хорошо, — услышал он вдруг веселый голос Житкова. — Что касается невидимости, то давай предоставим

старика решение вопроса: отдаст он мне эту работу для завершения в том виде, как она сейчас есть, или нет.

Найденов испытующе поглядел на друга:

— Скажи, тебя не интересуют мои опыты?

— Очень, очень интересуют! — искренне воскликнул Житков. — Я не хотел тебя расспрашивать, чтобы... Словом, я не хотел быть нескромным.

— Ты думаешь, между нами могут появиться секреты? Разве ты забыл, что было сказано когда-то на мостике «Керчи» о дружбе?

— Этого не забыть, — отозвался Житков. — «Великая вещь — дружба, мальчики. Берегите ее, как зеницу ока». И, честное слово, он был тогда прав, этот командир.

— А если прав, то как же ты не поинтересовался моими работами, не увидевшись со мною целых два года? Может, мне нужна твоя помощь...

Житков порывисто подбежал к другу, обнял его за плечи.

— Сашка, милый друг Сашка! — воскликнул он.

Валя смотрела на друзей потеплевшими глазами.

— Вам пора в институт, — сказала она. — У Саши как раз есть время показать вам свои работы. И, смотрите, не опоздайте в лабораторию к назначенному папой времени. В этом отношении он невозможный педант.

Молодые люди поехали на остров, где был расположен Морской исследовательский институт.

14. КУНСТКАМЕРА СТАРОГО ФАКИРА

Житков с интересом слушал объяснения Найденнова, демонстрировавшего ему свои успехи. Житков хорошо помнил дискуссию, вспыхнувшую вокруг открытия Найденнова, тогда еще скромного аспиранта Института физико-технических проблем. Спор так же внезапно угас, как начался. В действительности он не прекратился, а лишь перестал быть гласным, вошел в стены секретных лабораторий. Темой этого спора была опубликованная в «Известиях» названного института работа никому неизвестного молодого ученого Александра Ильича Найденнова, носившая довольно отвлеченное название: «О трансформации звуковой волны в световую и ее спектральном разложении». Позднее, когда работа перестала быть достоянием гласности и когда ею за-

интересовалось военно-морское ведомство, заглавие темы несколько удлинилось. К нему прибавились слова: «... как методе определения источника звука». Этим определялось все.

Найденов оказался, по существу говоря, первым, кто указал путь к практическому использованию открытого академиком Вогульским метода спектроскопического анализа звуковой волны. Сконструированному им прибору Найденов дал несколько условное название — «оптический звукоискатель». Чаще всего прибор называли просто «оптическое ухо Найденова». Это «найденовское ухо» явилось первым мостиком между теоретическими изысканиями «высокой» науки и практикой. Всем, что сделано на этом пути в области противовоздушной и противолодочной обороны, военное и военно-морское ведомства обязаны, в сущности говоря, никому до толе неизвестному кандидату физических наук Найденову.

Но при большой ценности открытия Найденова оно было все же лишь половиной того, что нужно для безошибочного и быстрого определения местоположения корабля или самолета в боевых условиях. Чтобы получить всеобъемлющее военное значение, открытию Найденова нехватало многого. Он еще не нашел пути для преодоления в своем аппарате элемента времени. В лабораторной обстановке можно было с большой точностью определить пространственное положение любого предмета, скрытого от глаз наблюдателя. Но это требовало времени. Таким образом, для движущегося объекта наблюдения, — а именно этот случай и был единственно ценен с военной точки зрения, — все показания откладывались со знаком прошедшего времени, то есть утрачивался их практический интерес. Сколь бы ни было мало это запаздывание показаний прибора, им нельзя было пренебречь в таком деле, как, скажем, стрельба по невидимой цели.

И все же Житков был поражен экспериментом, проделанным перед ним Найденовым.

— Ты понимаешь, Саша, — воскликнул моряк, — что твое в соединении с моим — непреодолимо! Это же победа. Верная победа! Судно, остающееся невидимым для противника, само может видеть и слышать его даже под водой, даже в темноте! Ты понимаешь, что это значит? — Он подбежал к приятелю и по своей привычке обнял его за плечи. — Нет, ты скажи мне: ты отдаешь себе отчет в значении этого?

— Но представь себе, что и противник располагает тем же: невидимостью и зрением в темноте. Начинается какая-то война невидимок...

— Ну что же, — решительно воскликнул Житков, — пускай война невидимок! И в этой войне, как во всякой другой, конечный результат ясен: победа будет за нами. При равных материальных средствах решать будет не техника плюс люди, а одни люди. Тут у нас такой преферанс, что ого!

— Это верно, конечно, но хочется, чтобы в руках наших людей были средства, о каких противник не может и мечтать.

Прежде чем Житков успел ответить, в комнату вошла Валя.

— Папа ждет вас, — сказала она Житкову.

— Вы со мной? — спросил он, выходя.

— Нет; я остаюсь здесь. Папин кабинет — третья дверь налево.

Житков вышел в просторный коридор. Свет лился через стеклянный фонарь в потолке. Все сверкало какой-то особенной, скрупулезной морской чистотой. Стекло, медь и белая эмаль — вот три элемента, из которых как будто было соткано здание института. Четвертым элементом была, казалось, тишина.

Бураго радостно встретил Житкова:

— Друзья моих друзей — мои друзья. Милости прошу в кунсткамеру старого факира, как меня тут называют молодежь.

Но на этом его веселость и кончилась. Сразу став серьезным, как только они заговорили о научной стороне работ, Бураго попросил Житкова рассказать об его успехах. Внимательно выслушал, похвалил за остроумный вариант решения кардинального противоречия, встающего на пути всех, пытающихся преодолеть проблему невидимости корабля, — парадокса максимального отражения и одновременного поглощения лучей света защитным покрытием.

— А теперь — в святая святых, — произнес он наконец и отпер низенькую дверь, отделанную такой же дубовой панелью, как и стены его кабинета.

Житков шагнул следом, и сразу же за его спиной щелкнул замок: дверь затворилась. Бураго отпер вторую. Помещение, куда они вошли, было без окон, но яркий свет в нем не отличался от дневного. Комната казалась залитой

Он обошел что-то, не видимое Житкэву, подошел к противоположной стене и вдруг, смеясь перебирая в воздухе ногами, начал подниматься по невидимой лестнице.

сиянием солнца. Однако Житков нигде не видел источника этого света. Он был отраженным, исходил из каких-то сильных ламп, скрытых за карнизами-отражателями.

Жестом гостеприимного хозяина Бураго пригласил Житкова войти. Житков вошел и остановился, как вкопанный. Он едва не шагнул в зияющее под ногами темное пространство широкого провала.

— Действует? — весело спросил Бураго.

Житков непонимающе посмотрел на старика. Бураго шагнул к провалу, занес над ним ногу. Житков протянул руку, чтобы удержать старика. Но тот спокойно опустил ногу в пустоту, и Житков услышал, как каблук старика стукнул о пол. Ступив в пустоту, Бураго жестом пригласил моряка следовать за собой. Житков сделал шаг, другой — под ним был твердый пол. Сделал еще один шаг и... напнулся коленом на что-то твердое. Раздался стук упавшего стула.

Житков наклонился и растерянно повел в пустом пространстве руками. Нашел упавший стул...

Бураго смеялся. Он обошел что-то, не видимое Житкову, подошел к противоположной стене и вдруг, смешно перебирая в воздухе ногами, начал подниматься по невидимой лестнице. Сделал несколько ищущих движений руками. Понимался звон стеклянной посуды. Держа невидимые сосуды в руках, Бураго спустился с невидимой лестницы, поставил сосуды на невидимый стол. Житков не мог удержаться от возгласа восторга.

— Это же гениально! Чего вы еще хотите?

Волна радости захлестнула его. Старик тихо смеялся, довольный впечатлением, произведенным на моряка. Его патриаршая борода вздрагивала на широкой груди. Но вот его смех оборвался. Выражение лица внезапно сделалось почти сердитым. Сдвинулись космы бровей.

— Детские забавы, игра, — пробрюзжал он. — Преодолено едва десять процентов трудностей. Всего-навсего закончена борьба с человеческим глазом. Путем довольно несложной комбинации веществ, отражающих лучи света его поглотителей, удалось обмануть человеческий глаз. Царь природы перестал видеть видимое. Но... вот и все, чего удалось достичь. А это, повторяю, едва одна десятая

проблемы. Дальше почти глухая стена. Начинается борьба с матушкой-природой. Она посильнее своего двуногого царя.

С этими словами Бураго подошел к стене и, взявшись за невидимый шнурок шторы, потянул его. Послышался звон колец, шуршание ткани. В широкое окно потекли потоки дневного света. Бураго выключил искусственный свет, и Житков сразу ощутил какую-то резкую разницу в своем восприятии окружающего. Он не сразу мог отдать себе отчет в этой разнице, а когда понял ее сущность, с трудом мог удержаться от возгласа разочарования: вещи оставались невидимыми с той стороны, где их освещало солнце. Они едва серели смутными силуэтами с теневой стороны, но на полу, на стенах обрисовывались резкие тени невидимых предметов — стола, стульев, полок, колб, стоящих на столе, стремянки, прислоненной к полке...

— Теперь вы видите: все это не стоит ломаного гроша, — грустно сказал Бураго. — Как физики мы с вами можем радоваться достигнутому, но как слуги флота никчем главой перед своим бессилием. Так-то, молодой человек...

15. СТАРИК ПРОЯВЛЯЕТ РАСТЕРЯННОСТЬ

Когда они вернулись в кабинет Бураго и уселись в кресла, Житков задумался. Старик, не мешая ему, занимался своим делом. Они долго молчали. Наконец Житков поднял голову:

— И все-таки, Александр Иванович, я считаю, что следовало бы теперь же произвести опыты в море...

— Чепуха! — сердито выпалил Бураго. — Надо мной стали бы смеяться. Тень мачты, разрезающая палубу; тень рубки; резкая тень орудия, отброшенная на стенку башни?.. Тени на пустом месте! Я еще не научился красить тени, милостивый государь! — воскликнул он.

— А нужно, чертовски нужно! — вырвалось у Житкова.

— О, — с жаром отозвался Бураго. — с каким бы удовольствием я ее, проклятую, выкрасил! Не поверите, сударь мой: во сне вижу эту чертовщину.

В возгласе старика было столько непосредственности, что Житков вдруг почувствовал: к этому человеку можно подойти совсем просто и без всякого стеснения сделать

самое трудное, о чем мечталось, ради чего Житков сюда и пришел: предложить самого себя в помощники.

— И все-таки, — сказал он, решаясь, — все-таки я хотел бы взять это в море.

— Вы что же, воображаете, будто я отдам вам неоконченную работу? — воскликнул Бураго. — Мало того, что над Бураго будут смеяться, — вы еще хотите, чтобы я отдал в чужие руки дальнейшую судьбу важнейшей работы, — работы, которую я мечтал сделать своим собственным эпилогом. Ну, знаете ли, молодой человек... — Старик развел руками.

— Александр Иванович! — горячо воскликнул Житков, забывая, что перед ним старый ученый, человек с адмиральскими нашивками. — Александр Иванович, я и об этом думал. Саша говорил мне, что вы ни за что не выпустите неоконченной работы. Я вас понимаю... — Житков торопился сказать всё, пока его не оборвали грозным окриком. — Все это так. Но это же можно обойти! Я возьму ваше изобретение с собой, но оно останется в ваших, в ваших собственных руках. Ежечасно, ежеминутно вы будете следить за ним, вы будете контролировать каждый мой шаг, вы будете руководить мною...

— Фантазмагория! Какие-то чудеса в решете, — удивленно пробасил Бураго. — Вы что же, воображаете, что я с вами на опытовый корабль потащусь или, чего доброго, еще на вашу подлодку? Да меня, батюшка, от одного вида соленой воды, при переезде на острова, мутит!

— Вы останетесь здесь, у себя дома, — где хотите! Но со мною поедет частица вас самого... Со мною может ехать ваша дочь!

— Как-с? — крикнул высоким фальцетом старик.

— Она могла бы работать со мной, — решительно повторил моряк.

— Так-с, так-с... А еще что, молодой человек? — Старик как-то по-птичьи склонил голову набок.

Житков решил не сдаваться.

— Она была бы при мне, так сказать, вашим комиссаром.

— Так-с. Ваш комиссар Найденов при мне, а мой — Валентина — при вас. Так, что ли?

— Если хотите, так.

— Моя дочь должна бросить дом, отца, работу в инсти-

туте, кандидатскую диссертацию — решительно все ради того, чтобы мчаться с первым встречным в полную неизвестность... Скажите, молодой человек, вам никогда не советовали сначала обдумывать то, что вы собираетесь сказать? — Бурого поднялся и прошелся по комнате. — Хотел бы я посмотреть на лицо моей дочери, если рассказать ей о вашем замечательном предложении. А еще больше хотелось бы мне видеть при этом физиономию вашего друга Саши.

— Что ж, Александр Иванович, — спокойно произнес Житков, — я охотно повторил бы мое предложение им обоим.

Бурого подошел к столу и нажал пуговку звонка. Приказал курьеру вызвать Валу. Когда та пришла, передал ей предложение Житкова. Девушка посмотрела на Житкова, перевела взгляд на отца.

— Именно эта мысль приходила и мне, — сказала она.

— Фантазмагория! — воскликнул Бурого, стремительно подошел к телефону и набрал номер Найденова. — Прошу немедленно зйти ко мне, — сказал он в трубку и сердито бросил ее на рычаг.

Найденов шел к Бурого с готовым решением: согласиться на его просьбу стать комиссаром.

Он вошел в кабинет Бурого веселый, с заранее приготовленной фразой, которой обрадует старика и Валу. Но, прежде чем за его спиной затворилась дверь, он был встречен гневной тирадой Бурого, еще раз повторившего ему предложение Житкова. Найденов с удивлением глядел на Валу, ожидая ее решения.

— Я уже высказала папе свою точку зрения, — сказала она. — Давайте считать вопрос решенным:

Житков словно не замечал некоторой напряженности между стариком, Найденовым и Валей, возникшей после ее решения. Он был слишком обрадован поворотом дела.

Старик подошел к большому сейфу.

— Ваши уроки уже действуют, — сказал он, стараясь казаться спокойным. Он отпер сейф, достал заветный металлический стаканчик, протянул его Житкову. — После дочери это самое ценное, что у меня есть. — Голос его звучал торжественно. — Я передам его вам в том виде, какой он должен бы иметь всегда. Но добиваться того, чтобы он оставался невидимым и в холодном состоянии, придется уже вам самим...

Бураго подошел ко вделанному в стену умывальнику и открыл горячую воду. Когда стаканчик наполнился, он закрыл его крышечкой и водрузил на середину письменного стола. Все смотрели на стакан, ожидая, когда он начнет исчезать из их глаз. Стаканчик действительно стал невидим, но крышка осталась такою же, какою была: она словно повисла в воздухе. Бураго подошел, снял крышку, осмотрел ее. Схватил стакан, выплеснул воду, налил еще более горячей. Снова накрыл крышкой. Но крышка так и не исчезла с глаз затаивших дыхание зрителей. Бураго еще раз внимательно пригляделся к ней. Рука его дрогнула, вода полилась на ковер. В устремленном на дочь взгляде больших добрых глаз старика была растерянность...

16. ПЕЗД УХОДИТ ВО-ВРЕМЯ

Электрические фонари были бессильны одолеть царившее под шатром вокзала серебристое сияние северной ночи. Где-то далеко, за пределами стеклянного шатра, раздавалось могучее дыхание паровоза. Проводники проверяли билеты. Пассажиры неторопливой вереницей вливались на перрон. Бураго взял руку Вали и прижал к себе локтем. Девушка беспокойно поглядывала вверх текущей мимо толпы.

— Недостает только, чтобы он опоздал, — насмешливо пробормотал старик.

— Это беспокоит меня меньше всего, — резко ответила Валя.

— Вот как! — Старик хотел еще что-то сказать, но тут Валя выдернула руку из-под его локтя и устремилась навстречу потоку пассажиров. Над их головами маячила морская фуражка. Однако уже через несколько шагов лицо ее выразило разочарование: фуражка принадлежала какому-то совсем чужому человеку. Валя вернулась к вагону и неожиданно для себя нос к носу столкнулась с Житковым. Он стоял, весело улыбаясь, и протягивал ей небольшой букет южных цветов.

— От моря, с нетерпением ожидающего вашего приезда.

— А я надеялся, что вы не придете, — с грустной улыбкой сказал Бураго.

Валя порывисто протянула отцу цветы:

— Это тебе.

Он, не глядя, взял их, поднес к лицу и стал старательно нюхать.

— Мы никогда не расставались, — сказал он и виновато посмотрел на Житкова. Взял руку дочери, погладил.

— Отъезжающих прощу в вагон, — раздался вдруг рядом голос проводника.

Валя прижалась к отцовской груди, спрятала лицо в его густой бороде. Как хорошо она знала с детства мягкую ласку этих волос, их запах!

— Фантазмагория! — ни с того, ни с сего проговорил Бураго и протянул дочери букет.

— Ты забыл, что я подарила его тебе, — улыбнулась Валя, стараясь скрыть блеснувшие на ресницах слезинки.

Тогда Бураго выдернул из букета один цветок и воткнул его в петлицу Валиного жакета. Улыбнувшись, сказал Житкову:

— Мне на память остается ваше упрямство, а что же дать вам? — Он порылся в карманах и вынул старенькую трубку. Ее перегоревшее донышко было заделано потемневшей монеткой. — Вот, возьмите. Ей много лет.

— Я же не курю, — сказал Житков.

Старик удивленно поглядел на него.

— Вот как? А я и не заметил. Повидимому, я действительно становлюсь стар. Прежде я был наблюдательней.

Валя еще раз украдкой глянула поверх толпы, запрудившей перрон, и вошла в вагон. Поезд тронулся. Стоя на площадке, Валя еще раз посмотрела в конец перрона и больше уже не сводила глаз с уходившего в даль милого лица старика. А он торопливо, с необычной для него старческой суетливостью, как-то вприпрыжку шел рядом с вагоном. Когда поезд пошел слишком быстро, он круто повернулся и, высоко подняв голову, пошел к выходу. В руке он держал букет цветов.

В дверях Бураго пришлось задержаться в потоке провожающих. Он услышал, как человек в красной фуражке громко и немного раздраженно сказал кому-то:

— Поезд всегда уходит вовремя: двадцать два часа.

Бураго обернулся и увидел Найденова, смотревшего на большие вокзальные часы.

— Как вы могли?.. — с укором сказал старик.

— Задержался в институте...

— Мне показалось, что она ждала вас до последней минуты.

— Но зато я нашел...

Старик сердито перебил:

— Боюсь, что вы потеряли гораздо больше, чем могли найти. — Но, заметив выражение виноватой растерянности в лице Найденова, сказал уже мягче: — Вот, она велела вам передать. — И протянул Найденову цветы.

Найденов поднес их к лицу, помолчал и потом негромко сказал:

— Кажется, я знаю, куда он девался...

— Кто девался? Куда? — нетерпеливо спросил Бураго.

— Лак с крышечки стакана.

Старик с удивлением уставился на Найденова. Перед своим отъездом Валя в течение нескольких дней упорно старалась разгадать причины потери крышечкой свойства невидимости. Ею были проверены рецепты, по которым изготовлялся лак покрытия, были подвергнуты тщательному анализу его остатки, хранившиеся в «кунсткамере», — напрасно, ничто не давало разгадки. Поверхностный слой лака на крышке совершенно утратил свои свойства. Бураго пришел к выводу, что по собственному его недосмотру поверхность перед нанесением лака была недостаточно тщательно обработана, с нее не были удалены какие-то случайно оказавшиеся вещества. Они вошли в соединение с лаком и без остатка разложили его. Оставалось приготовить новую порцию лака и заново испытать его. И вот теперь является Найденов и говорит, что он знает, куда девался этот лак...

— Как будто я сам не знаю этого: он разложился под действием следов кислоты, попавших в покрытие, — сказал старик.

Найденов покачал головой.

— Ничего подобного.

— Так объясните же мне!

— Пока еще не время.

— Что за тайна? Тогда я буду искать! — нетерпеливо проговорил Бураго.

— Нет. Беру с вас слово: ничего не искать, не делать никаких новых опытов. Прошу вас все предоставить мне.

— Вы так в себе уверены?

— Вполне, — твердо произнес Найденов.

— Удивительное поколение! — со вздохом произнес старик. — А вот к поезду вы все-таки опоздали!

— Да, такая досада: он ушел во-время.

— А вы надеялись, что он опоздает с отходом? — насмешливо произнес старик. — Фантазмагория! Нынешняя молодежь просто соткана из противоречий.

17. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА БУРАГО

Прошел месяц. Найденов ревностно исполнял новые для него обязанности комиссара, помощника Бураго. Он никогда не думал, что отъезд Вали может создать в его жизни такую трудно заполнимую пустоту. Он с головой уходил в работу, отдавая ей все силы и все время, но ни на день, ни на час не мог отделаться от ощущения, что ему чего-то недостает. Как-то невольно он начал спешить с решением проблемы невидимости, временно отложив работу над своим «оптическим ухом». Таким образом все усилия Бураго, все внимание Найденова были теперь направлены на помощь уехавшим Вале и Житкову.

Работы над маскировочными покрытиями шли в лаборатории полным ходом одновременно с экспериментами на опытовом корабле, где так же лихорадочно трудилась группа Вали и Житкова.

Однако далеко не все шло гладко. Работа коллектива опытового корабля «Изобретатель» давала пока значительно меньше, чем рассчитывали получить Валя и даже сам Житков. Чуть ли не ежедневно с антенны «Изобретателя» неслись радиogramмы в лабораторию Бураго, содержащие отчеты о проделанном и запросы о том, что делать дальше, как делать. Валя нервничала. Порой ее раздражало то, что она была бессильна ответить за отца на целый ряд вопросов, ставившихся ей Житковым.

Все это привело к тому, что Бураго, очень скоро понявший по тону радиogramм дочери, что на опытовом корабле не все благополучно, лично отправился туда.

Найденов остался один. От старика прибыла радиogramма, где он просил не ждть его раньше, чем через несколько дней. Вероятно, в другое время такая задержка огорчила бы Найденова, но на этот раз он был ею доволен. Причины тому были особенные: присутствие Бураго могло бы помешать выполнению плана, намеченного Найденовым на одну из ближайших ночей.

После кропотливого расследования обстоятельств изго-

товления лака Найденов пришел к твердому выводу: поверхность крышки была столь же тщательно обработана перед покрытием лаком, как и весь стакан. Решительно никаких следов веществ, могущих разложить лак на крышке, не было обнаружено. Значит, защитное покрытие вовсе не разложилось само по себе, как решил Бурого, а было разложено преднамеренно. Кроме Бурого и Вали, никто во всем институте не дотрагивался до крышки. Значит, лак был разложен вне стен института. Сопоставляя обстоятельства внезапного исчезновения крышки из домашнего кабинета Бурого и временное пребывание ее в посторонних руках — Аделины Карловны и рыжего дворника, оставалось предположить, что именно тогда-то лак и был удален с крышки. Найденов счел нужным уведомить об этом органы надзора. Через несколько дней ему сообщили, что просят его этой ночью быть как можно ближе к дому Бурого, чтобы тут же быстро определить, не содержит ли какой-либо из составов, которые будут ему показаны, защитное покрытие Бурого. Ему действительно были предъявлены несколько флакончиков. Они содержали самые безобидные жидкости: соляную кислоту для пайки, бензин, клопомор и дешевый одеколон. Все эти флакончики и пузырьки были взяты в комнате рыжего дворника во время его отсутствия, с тем чтобы сейчас же поставить их на место, не возбуждая никаких подозрений у их владельца. Даже в том случае, если дворник окажется вражеским агентом, его решено было до поры до времени не спугивать.

К большому разочарованию Найденова, ни в одном пузырьке не оказалось и следов лака. Найденову было досадно признаться себе в том, что он, видимо, поспешил со своими заключениями. Резким движением он отодвинул от себя флакончики. Один из них упал. Дешевый одеколон пролился на горячую еще плиту, наполняя кухню противным ароматом синтетического левкоя. Найденов поспешно подхватил флакончик. Нагибаясь, чтобы поднять упавшую пробку, Найденов случайно взглянул на то место плиты, куда пролился одеколон. Оно стало невидимым, как бы испарившись вместе с запахом левкоя. Найденов чуть не подпрыгнул от радости. Он немедленно вернул все флаконы оставив себе небольшое количество одеколону «Левкой». Исследование в лаборатории показало, что в одеколоне «Левкой» был растворен лак Бурого. Роль дворника была

ясна. Оставалось выяснить: является ли Аделина Карловна его невольной пособницей или сознательной помощницей. Найденов должен был принести на квартиру Бураго точный дубликат стаканчика с крышкой и оставить его на столе. Если и этот стаканчик окажется в руках дворника, то роль экономки будет ясна.

Найденову не раз приходилось, заработавшись до поздней ночи с Бураго, оставаться у него ночевать. Он был, в полном смысле слова, своим человеком в доме. Аделина Карловна ничуть не удивилась, когда он пришел и заявил, что ему нужно поработать в кабинете Александра Ивановича. Ночью он поставил на стол Бураго дубликат стаканчика и сделал точные отметки его положения, чтобы заметить, если он будет сдвинут. Кроме того, и на поверхности стаканчика имелись невидимые для простого глаза метки, по которым сразу будет видно, что над сосудом проделывались какие-либо манипуляции.

Утром, проснувшись на диване в кабинете Бураго, Найденов нашел свое платье и ботинки тщательно вычищенными заботливой рукой Аделины Карловны. В столовой на белоснежной скатерти сверкал кофейник и испускали аромат свежеподжаренные гренки в молоке.

Как только он ушел, за квартирой было установлено тщательное наблюдение.

В институте Найденов нашел радиограмму от Бураго. Старик сообщил, что прилетает сегодня. Радиограмма была составлена в таких выражениях, что Найденов понял: у старика успех. И действительно, едва появившись в кабинете своего комиссара, Бураго весело крикнул:

— Ну, поздравляйте старого факира!

— Победа?

— Еще не совсем, но путь к ней ясен. Ясен, ясен, как день! — оживленно потирая руки, повторял Бураго. — И ведь чорт его возьми, вашего приятеля: неплохая голова, ей-богу, отличная голова! Он, конечно, еще не законченный ученый, ему нехватает настоящих знаний, плоховато с методикой, но у него есть полет мысли. Они с Вале́й прекрасная пара.

Заметив, что при этих его словах лицо Найденова омрачилось, Бураго рассмеялся:

— Не бойтесь! Это только в научном смысле. Ее знания плюс смелость его фантазии. Право, он молодец. Знаете, над чем он сейчас пыхтит? «Раз, — говорит, — лак, даю-

ший хорошие результаты во всех условиях освещения, может работать лишь в подогретом состоянии, нужно подогреть его на поверхности судна». — «Но ведь это же химера, — говорю ему, — корабль не самовар. Нельзя же держать его все время горячим». И вот тут-то, милостивый государь мой, я и понял, что за золотая голова у вашего друга: «Надводный корабль мы пока и не сможем подогреть, а подводный, пожалуй, сможем». — «Позвольте, — говорю, — на подводке каждый ватт в десять раз ценней, чем на любом другом корабле киловатт, а вы собираетесь расходовать сотни, а может быть, и тысячи киловатт на прогрев стенок лодки. А зимой, в ледяной воде?» Честное слово, в первый момент мне стало даже немного обидно, что человек, называющий себя физиком, да еще к тому же моряк, говорит такие вещи! А он, ничуть не смущаясь, режет: «Мне совершенно безразлична температура забортной воды. Важен только ее состав. Если я сумею найти для лака такой ингредиент, который, вступая в энергичную реакцию с морской водой, практически не будет расходоваться в сколько-нибудь ощутительном количестве, то при погружении в воду мой лак тем самым будет подогреваться и...» И тут, честное слово, я не дал ему договорить: облапил я его, как старый медведь, и расцеловал. Ей-богу!.. Если бы у вашего Житкова была лучшая теоретическая подготовка, я был бы ему нужен, как телеге пятое колесо. Он и без меня решил бы все до конца. Но тут-то вот и понадобился старый Черномор! Мы с Житковым и с Валеи три дня не выходили из лаборатории. И что вы думаете? Почти нашли! Право, осталось сделать еще один, самый последний шаг. Я привез с собой все материалы. Решение вертится вот тут, перед носом, как назойливый комар ночью. Гудит, а поймать не могу. Но я его словлю. Непременно словлю! Не сегодня, так завтра этот комар будет моим.

Найденов посвятил профессора в историю с дворником и рассказал о ловушке, расставленной Аделине Карловне. Бурого пришел в ярость. Потом после долгих уговоров успокоился, но ехать домой все же отказался. Найденову пришлось вечером отправляться к нему на квартиру одному.

К своему удивлению и почти разочарованию, он увидел, что ни одна из сделанных им меток не нарушена. Стаканчика, совершенно очевидно, никто не трогал. Силки, расставленные для экономки, оказались пустыми. Но если это огорчало Найденова, так как сбивало со следа, казав-

шегося ему уже найденным, то старый профессор искренне обрадовался реабилитации Аделины Карловны. Он сейчас же поехал домой, шумно расхаживал по пустой квартире и в полный голос распевал свои излюбленные русские песни...

К ночи Бураго заперся в кабинете и углубился в работу. Найденов уехал в институт. Весь следующий день они не виделись, каждый работал у себя. Около полуночи в кабинете Найденова раздался вдруг телефонный звонок.

— Нашел! — радостно крикнул в телефонную трубку Бураго. — Честное слово, по-моему, все найдено. Сейчас приду к вам.

— Высылаю за вами машину, — сказал Найденов.

— Нет, не нужно! — запротестовал старик. — Хочу немного прогуляться. Через час я буду у вас.

Бураго взял из угла свою тяжелую трость и спрятал в нее листки законченных заметок. Рядом с ним, как всегда, внимательно следя за каждым движением хозяина, словно понимая всю важность происходящего, сидел Тузик.

— Тоже засиделся, старик? — ласково сказал Бураго. — Хочешь прогуляться?

Бураго надел собаке тяжелый ошейник.

— Пошли, старина!

Весело напевая, Бураго направился в прихожую. Оттуда на всю квартиру загремел его бас:

— Аделина Карловна, мы пройдемся с Тузиком, затем — в институт. Вернемся, наверно, очень поздно. Не ждите нас!

Заспанная экономка затворила за ними дверь.

Часа через два в кабинете профессора зазвонил телефон. Аппарат долго посылал в темноту пустой комнаты звонки. Умолк, снова зазвонил, еще настойчивее. Наконец Найденову, сидевшему на другом конце провода, ответил голос Аделины Карловны:

— Я слушаю, алло!

— Александр Иванович дома?

— Нет, Александр Иванович ушел гуляйт и потом нах институт.

Найденов положил трубку. Через час он снова вызвал квартиру Бураго, так как профессора все еще не было в институте. Оставалось предположить, что старик засиделся где-нибудь на набережной, где любил сживать часами, обдумывая свои физические задачи, а потом вернулся домой.

Утром Найденев снова позвонил Бурого, чтобы условиться о времени свидания.

— А разве Александр Ифанович не ночевал на институт?— услышал он удивленный возглас Аделины Карловны.

Найденев испугался. Он тотчас сообщил в НКВД об исчезновении профессора. Розыски в течение целого дня не дали ничего.

Следующей ночью запоздалые прохожие увидели на проспекте большого сен-бернара, медленно тащившегося по направлению к дому № 5. Собака шла, шатаясь и с трудом передвигая лапы. Временами она ложилась, потом с видимым усилием вставала и снова тащилась дальше. Это был Тузик. Его хорошо знали жители квартала, где жил Бурого. Первый же человек, узнавший собаку, пришел на квартиру Бурого и сообщил о Тузике. Найденев бросился навстречу собаке. Тузик лежал на тротуаре возле ворот дома.

Собака сделала последнее усилие подняться, потом со стоном повалилась на бок. Ее лапы вытянулись. Из горла хлынула кровь. Глаза закрылись.

Наклонившись над трупом собаки, Найденев и его спутники увидели записку, прикрепленную к ошейнику. Найденев развернул ее.

«Найденеву. Я понял, что ошибся. Все, над чем я работал, — химера. С этим жить нельзя. Не ищите мое тело. Бурого».

— Это преступление, это просто преступление, — взволнованно произнес один из присутствующих. — Преступление против флота, против советской власти, против всех, кто считал его своим учителем...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ»

1. Смерть мичмана Селезнева	5
2. Честное слово барона	11
3. Позор изменникам России!	13
4. Человек за бортом!	17
5. Все тот же сигнал	19
6. Прыжок в смерть	21
7. «Мы дружбу связали канатом...»	27
8. Их становится трое	30
9. Черноморский флот погиб—да здравствует Черноморский флот!	36

Часть вторая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА БУРАГО

10. Почему не видно самолета?	43
11. Тайна стаканчика	48
12. Аделина Карловна старается не шуметь	53
13. Совет молодых	59
14. Кунсткамера старого факира	62
15. Старик проявляет растерянность	67
16. Поезд уходит во-время	70
17. Преступление профессора Бураго	73